

ДВѢ СЕСТРЫ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПОСЛѢДНЕЙ ПОЛЬСКОЙ СМУТЫ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Зимній съѣздъ въ губернскомъ городѣ царства Польскаго (который мы, ради разныхъ причинъ, будемъ называть просто городомъ) былъ самый блистательный, какого и старожилы не запомнили. Причина очень простая: около города расположился на зимнія квартиры гусарскій полкъ, а въ городѣ — полковой штабъ. Дамы и купцы были очень довольны; многія мотовитыя семейства не поѣхали даже въ Варшаву, гдѣ проживали настоящіе и будущіе доходы. Болѣе всѣхъ были въ восторгѣ семейства чиновниковъ, для которыхъ зима, за недостаткомъ кавалеровъ, была истиннымъ мученіемъ, а вырослыя дочери сидѣли безъ жениховъ съ самой неприятной перспективой. Жена президента Жеребовца была и рада и не рада нашествію москалей. До этой зимы она была царицей зимнихъ баловъ и вечеринокъ: всѣ наличные кавалеры, т. е. помѣщики и чиновники, хотя и въ маломъ числѣ, но за то безъ исключенія, были въ ея пріятномъ плѣну. А теперь сколько наѣхало соперницъ! Но и то бы еще ничего. Цани Матильда — такъ звали жену президента — несмотря на тридцать-пять прожитыхъ лѣтъ, была на чудо хорошо: она умѣла сохранить себя такъ, что на выразительномъ лицѣ ея не успѣлъ еще осыпаться пухъ дѣвичій и поклонники не разъ сравнивали лицо ея съ румянымъ спѣлымъ

персигомъ. Бѣда приключилась дома. Изъ Варшавы, въ началѣ осени, пріѣхали ея двѣ дочери. Онѣ кончили курсъ ученія у паненъ визитокъ, какъ разъ кстати и некстати. Обѣ представляли живые портреты великолѣпной матери, съ незначительными отгѣнками, во всемъ блескѣ дѣвичьей свѣжести. Старшей, Петрониллѣ, было безъ малаго восемнадцать, второй, Авреліи, съ небольшимъ шестнадцать лѣтъ; но на взглядъ сестры казались однолѣтками и нѣсколько старше, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ: какое-то мужество было разлито въ чертахъ этихъ выразительныхъ, умныхъ головокъ; высокій ростъ придавалъ имъ особенное величіе. Даже голоса у нихъ, чистые *contra-alto profundo*, поражали слухъ своимъ низкимъ тембромъ, несмотря на сладостную ихъ звучность.... Опасенія кокетливой матери были справедливы. Не успѣли дочки явиться въ родительскомъ домѣ, какъ многіе изъ самыхъ усердныхъ обожателей пани Матильды оказались переметчиками. Первымъ и самымъ важнымъ измѣнникомъ былъ панъ Станиславъ Дзвигачъ, молодой и весьма богатый помѣщикъ, сосѣдь по имѣнію. Онъ недавно пріѣхалъ изъ Парижа, чтобы собрать доходы съ помѣстья и опять отправиться туда; но могущество красоты Матильды и ея необыкновенный талантъ обращенія съ мужчинами удержали пана: каждый день собирался онъ уѣхать и не могъ рѣшиться. Явились „визитки“, какъ называли въ городѣ двухъ сестеръ, и панъ Станиславъ забылъ и Парижъ и пани Матильду: панна Петронилла не на шутку ему понравилась. Хотя мать замѣтила это съ перваго раза, однако нисколько не огорчилась тѣмъ: она умѣла соображать быстро и потому тотчасъ заключила, что, во-первыхъ, для Петрониллы лучшаго жениха со свѣчкой не найти, а во-вторыхъ она сама избавится отъ одной соперницы. При дочеряхъ скучно играть роль матери. Для примѣра, толпу собственныхъ поклонниковъ надо держать въ приличномъ отдаленіи и съ притворнымъ равнодушіемъ смотрѣть на чужія побѣды.... невыносимо! Не прошло и мѣсяца, какъ Дзвигачъ сталъ задумчивъ. Петронилла видимо занимала его; но признанія не было.

Прекрасный осенній вечеръ окончился прогулкой. Воротились домой и усѣлись *do herbaty* (т. е. пить чай). Дзвигачъ не пилъ чаю. Петронилла намазывала масло на хлѣбъ; Аврелія разливала чай. Матильда играла роль внимательной матери: безпрестанно поправляла то ту, то другую дочку, зачѣмъ та

ножь, а та чашку держитъ не такъ. Аврелія, наливъ чашку чаю, подала ее Дзвигачу....

— Благодарю: я не пью.

— Вы не пьете? это почему?

— Московскій напитокъ!...

Петронилла уронила ножъ и посмотрѣла значительно на сестру.

— Такъ что жъ, что московскій? спросила насмѣшливо пани Матильда. Видно, вамъ непріятно, что къ намъ пожаловали такіе милые гости?... Отобьютъ прантину!...

— Вы шутите? Называете милыми этихъ чудовищъ?...

— Ого! я не знала, что вы такой *запаленный* патриотъ. Это дѣлаетъ вамъ честь! Вотъ что значить долго жить въ Парижъ! Я замѣтила, что самыя *заядлыя* патриоты польскіе всё живутъ не въ Польшѣ. А мы объ этомъ и не думаемъ. Намъ хорошо, покойно. Мы смотримъ на москалей какъ на меньшихъ братьевъ. Рады ихъ видѣть, принимать....

Дзвигачъ покраснѣлъ, Петронилла тоже. Аврелія ловко отвернулась, такъ что нельзя было замѣтить, какое выраженіе приняло ее лице. Неумолимая пани Матильда продолжала:

— Признаюсь, я недовольна визитками. Почему у нихъ не учатъ по-русски. Какъ знать судьбу? Подъ однимъ царемъ; одно государство; наши безпрестанно выходятъ замужъ за москалей.

— Подлая, но удачная система, тихо замѣтилъ Дзвигачъ.

Однако Матильда не слышала и продолжала:

— Знать языкъ необходимо ужь для одного хозяйства. Впрочемъ, и то сказать, научатся, дажь бы только Богъ замужъ выйти....

— И все это вы говорите не шутя?

— Я васъ не понимаю, пане Станиславе!

И вы согласитесь отдать вашихъ дочерей за москалей?

— Отчего же и нѣтъ? Не прикажете ли изъ патриотизма просидѣть имъ вѣкъ въ дѣвкахъ? Я перестала вѣрить этимъ глупостямъ; я знаю многихъ москалей, самыхъ достойныхъ, любезныхъ, образованныхъ, которые любому поляку не уступятъ. Вотъ и про нашихъ гусаровъ, что пришли, сестра шпѣтъ, не нахвалится. Молодежь богатая, образованная, хорошихъ семей.... Я рада за нашъ бѣдный городъ.... Мы считаемъ въ нашей окрестности до полусотни молодыхъ людей съ состоя-

нѣмъ; а гдѣ они? или мотають въ Варшавѣ, или шатаются по бѣлому свѣту. Вотъ и вы—простите за искренность—не хотите пить московскаго чаю, но не любите кушать и польскаго борщу и *биоса*. Вамъ не сидится на родинѣ....

— Вы правы.... Я перемѣнилъ намѣреніе. Теперь отъ васъ и отъ панны Петрониллы будетъ зависѣть, чтобы я остался въ Польшѣ....

„Поймала“, подумала Матильда. — Какъ это? спросила она.

— Очень просто. Не мучьте меня распросами! Предсмертныя страданія и пытка сватовства для меня одно и то же....

— Какъ же я должна понимать ваши слова? Можно подумать, что вы сватаетесь за Петрониллу....

— Именно.

— Оригинально! право, оригинально! Но неужели вы не знаете порядки?

— Знаю! Только, ради Бога, не мучьте!

— Значить, вы уже сказали отцу.

— Нѣтъ; скажите вы ему. Да если только вы согласны, панъ-президентъ спорить не будетъ....

— По счастью, на этотъ счетъ я знаю его мысли и могу васъ-поздравить, если только Петронилла....

— Теперь ваша очередь помучить меня; но, я надѣюсь, вы будете великодушны....

Петронилла молча, съ довольною улыбкой, протянула Дзвигачу руку.

— Реля, сходи, попроси къ намъ Яся: пусть пожалеетъ и благословитъ счастливую чету....

„Ну, одну сбыва — подумала Матильда — теперь какъ бы другую пристроить также удачно.“

II.

Дзвигачъ былъ дальновиденъ. Гусары не напрасно испугали его и заставили посѣпить развязкой. Въ опасности потерять невѣсту онъ могъ убѣдиться на первомъ же балу, который былъ данъ, въ городской ратушѣ, городскимъ обществомъ 6-го декабря 1852 года. Городъ былъ, какъ говорится, прилично иллюминированъ: по тротуарамъ дымились плашки; на окнахъ торчало по двѣ свѣчи; въ залѣ горѣли свѣчи въ стѣнныхъ канделябрахъ, что дѣлалось только въ важныхъ случаяхъ. Пор-

третъ императора Николая былъ убранъ цвѣтами и зеленью; губернаторъ, городскія власти и чиновники—всѣ въ мундирахъ. Несмотря однако на наружный блескъ, балъ сначала какъ-то не клеился. Гусарскіе офицеры толкнулись было ангажировать дамъ; но никто не хотѣлъ идти танцовать съ „незнакомыми“. Панъ-президентъ это замѣтилъ и представилъ женѣ и дочерямъ, или, лучше сказать, жену и дочерей полковнику Бубе. Полковникъ былъ изъ курляндскихъ нѣмцевъ, храбрый на военномъ полѣ, но не на балахъ; онъ покрутилъ усы, поводилъ по потолку глазами, пробормоталъ что-то себѣ подъ носъ и, вертя картой, отступилъ бокомъ-траверсомъ въ гостиную, гдѣ былъ приготовленъ почетный карточный столъ; усѣлся за Wiska. Вслѣдъ затѣмъ панъ-президентъ подвелъ къ женѣ и дочерямъ ротмистра Орлея и трехъ молодыхъ офицеровъ....

— Вотъ это, Маниля, собственно наши гости. Это панъ ротмистръ Орлей и его офицеры. *Швадронъ* его будетъ стоять у насъ на Жеребовцѣ....

— Приятно слышать, отвѣчала Матильда.

Мгновенно окинула она взоромъ всѣхъ четырехъ и наскоро произвела расцѣнку.

Ротмистръ былъ не очень молодой, но красивый, статный мужчина; гигантскіе усы придавали ему самый „марціальный“ видъ. Три офицера одинъ на другаго далеко не были похожи. Ступачевъ былъ немного постарше двухъ другихъ. Рубецъ на лбу не безобразилъ его; но вообще онъ былъ какъ-то неуклюжъ, неловокъ и *умизами*, то есть куростроеніемъ, не любилъ заниматься. Мануйко, наоборотъ, былъ очень недурень собой, завитъ, распомаженъ, любилъ красоваться и въ Польцѣ, по милости женщинъ, больно избаловался.... Третій, самый младшій изъ нихъ лѣтами, хотя и старшій чиномъ, Ивановъ, при первомъ же взглядѣ производилъ самое приятное впечатлѣніе благороднымъ, открытымъ, выразительнымъ лицомъ, стройнымъ ростомъ и простотою приемовъ. Какъ только офицеры подошли къ группѣ дамъ, Петронилла и Аврелія, чтобы ихъ не видѣть, занялись разговоромъ съ Дзвигачемъ, который неотходно торчалъ за ихъ стульями.

— Приласкай ихъ, на всякій случай, Маниля, сказалъ панъ-президентъ женѣ на ухо и ушелъ.

Совершенно излишняя просьба: президентша сама позаботилась о томъ.

— Выгнаны: остановились на квартирахъ въ нашемъ старосткѣ?

— Мы тамъ около мѣсяца, отвѣчалъ Орлей.

— Можете ли быть? Какъ же это мужъ не сказалъ мнѣ ни слова! Все ли у васъ тамъ есть? какъ васъ помѣстили?...

— Много ли намъ нужно! Все прекрасно. Мы всѣмъ довольны: Вашъ сельскій домъ очарователенъ; мы любуемся имъ изъ оконъ нашихъ хатъ. Мы тотчасъ угадали, что царица этого дома должна соединять въ себѣ всѣ качества совершенства, и не ошиблись....

— Шельма! прошепталъ Ступачевъ. — Такъ-таки прямо въ атаку!

— Неужели на войнѣ можно выучиться говорить такъ ловко комплименты? Не успѣли взглянуть — и рѣшили....

— Очень просто: прежде всего и благоразуміе велить спросить про хозвина и хозайку. Гласъ народа — гласъ Божій....

— Не вездѣ! Что же вамъ сказалъ этотъ голосъ народа?...

— Это наша тайна. Я не хочу, чтобы вы, при первомъ знакомствѣ, назвали меня льстецомъ.... О, я далеко отъ этого....

— Эка бесія! прошепталъ Ступачевъ. — Вотъ, Паша, учись! прибавилъ онъ тихо на ухо Иванову!

Замтрали вальсъ. Орлей протянулъ Матильдѣ руку пригласительно, и та безъ всякаго жеманства встала до танса.

— Господа! сказалъ Орлей — обращаясь къ офицерамъ — ангажируйте дамъ.

Ступачевъ съ Петрониллой, Мануйко съ Авреліей понеслись въ плавномъ вальсѣ за своимъ храбрымъ предводителемъ. Двигачъ въ бѣшенствѣ сѣлъ на стулъ Петрониллы; Ивановъ, оставшійся за штатомъ, присѣлъ на стулъ Авреліи.

— Этотъ стулъ принадлежитъ дамѣ, сказалъ Двигачъ сухо.

— Я и сѣлъ для того, чтобы приберечь, отвѣчалъ точно также Ивановъ.

Президентша и ея дочери подали всѣмъ пріятный примѣръ: Гусары вступили въ свои права; мѣстная молодежь исчезла въ туманѣ невниманія. Къ концу бала у каждой замужней и незамужней дамы оказался свой рыцарь изъ гусаровъ; но какъ дамъ было много, а гусаровъ мало, то многимъ изъ офицеровъ пришлось ухаживать за двумя и болѣе красавицами и невольно возбуждать между соперницами ревность. Орлей остал-

съ вѣрною президентшѣ. Мануйло присталъ къ Петрониллѣ, такъ что Давидаль не зналъ что и дѣлать. Едва-едва удалось ему протанцовать съ невѣстой два кадрили и во время танцевъ прочесть ей два раза, по праву жениха, патриотическую переру (*).

Ивановъ, какъ мотылекъ, былъ неудовимъ. Всѣ кадрили онъ танцевалъ съ разными дамами; однако ни одна изъ нихъ не могла похвалиться не только побѣдой, но и малѣйшимъ предпочтеніемъ. За то множество блестящихъ глазъ такъ и бѣгали за нимъ. Панъ-президентъ былъ, какъ говорится, *nie w ciemnie bity*, т. е. неглушь, и, наблюдая за гусарами, не могъ не замѣтить утонченнаго и сдержаннаго поведенія Иванова.

— Нравится ли вамъ нашъ балъ? спросилъ онъ, проходя мимо Иванова.

— Не можетъ не нравиться: такъ много блеска, красоты, одушевленія....

Не успѣвъ Ивановъ закончить фразу, онакъ музыка грянула мазурку *pasz Słoricki wojak*.... Президентъ поблѣднѣлъ:

— Какъ это глупо! Такая музыка въ такой офиціальныи день! съ досадою проговорилъ онъ тихо; но Ивановъ услышалъ.

— Отчего же? честь храброму вездѣ и всегда. Стыдитесь нечего. Эта мазурка напоминаетъ старую домашнюю ссору; тѣмъ слаще миръ....

Президентъ схватилъ Иванова за руку, крѣпко пожалъ ее и сказалъ съ чувствомъ:

— Благородный юноша! не все такъ думаютъ!... А гдѣ же ваша пара?

— Я не танцую, отвѣчалъ Ивановъ.

Но едва фигуры дошли до выбора кавалеровъ, Ивановъ безпрестанно являлся на серединѣ залы и манерой исполнять танецъ приводилъ всю публику обоюго пола въ восторгъ. Онъ не танцевалъ, а точно лебедь плавалъ по паркету, въ совершенный контрастъ со Ступачевымъ. У того каблукъ на другой день отвалились бѣзвально. Не было ни одной танцующей дамы, которая бы не выбрала Иванова; даже Петронилла (патриотическая „перера“ видно не совсѣмъ подѣйствовала), и та долго искала, искала и наконецъ нашла любимца публи-

(*). Назидательная рѣчь.

ки. Только одна Аврелія не удостоила его этой чести; маменька тотчас это замѣтила, улыбнулась и подумала: „ага! вотъ кто ей понравился!“

Танцы кончились. Панъ-президентъ пригласилъ до *colation* (ужина). Всѣ тѣ дамы, которыя производили на балу больше эффекта, очутились подъ-ручку съ гусарами: пани Матильда шла съ Орлеемъ, Петронилла съ Мануйко. Когда вереница гостей проходила къ ужину мимо Дзвигача, тотъ не утерпѣлъ и сказалъ, хоть и про себя, но такъ, что Петронилла могла слышать: *За mундиромъ риппу зипигем!* (*) Петронилла взглянула на него и, улыбаясь, погрозила пальчикомъ. Ивановъ прошелъ къ столу въ мужской компаніи, вмѣстѣ съ губернаторомъ, полковникомъ и президентомъ.

III.

Богатое староство Жеребовецъ лежитъ у самаго города, такъ что поля жеребовскія примыкаютъ къ городскому выгону. Отъ городской ратуши до барскаго двора на Жеребовцѣ ровно пять верстъ по проселочной дорогѣ. Эскадронный командиръ стоялъ на квартирѣ у сельскаго войта, прочіе офицеры—въ крестьянскихъ избахъ.... Предусмотрительный управляющій не только не допустилъ на барскій дворъ ни одного гусара, но заперъ и главные ворота и всѣ калитки и кругомъ цитадели своей учредилъ дневные и ночные караулы. Причина тому была самая натуральная. На дворѣ жили господскія прачки, швеи и другаго рода женская прислуга, а — самое главное—у нана Култуса, т. е. у управляющаго, была дочь, подростокъ лѣтъ одиннадцати. Смѣшно было бы принимать такія предосторожности дитяти ради; но панъ Култусъ самъ былъ порядочный гусаръ, любилъ женскій полъ, и чуть проявлялась въ староствѣ хорошенькая крестьянка, панъ Култусъ, безъ церемоніи, забиралъ ее въ дворню, къ общему соблазну и ропоту мужиковъ....

Обо всемъ этомъ Ступачевъ собралъ уже самыя точныя справки и не могъ смотрѣть на Култуса безъ зависти и злобы. Луна ярко свѣтила, когда молодежь возвращалась съ бала. Ступачевъ ѣхалъ въ саняхъ Иванова и дремалъ, закутавшись

(*) За мундиромъ барышни веревочкой.

въ губу. Но пагъ только поровнялись съ цитаделью, будто что укололо: проснулся, высунулъ носъ, посмотрѣвъ на высокую бѣлую ограду двора и проворчалъ:

— Шельма! сидитъ, обжора, въ малинѣ, лакомится... Ну, да не уйдетъ отъ меня! Я ему набью оскомину!...

— Охота тебѣ задиратся съ неладью! Мы гости: какое намъ дѣло, сказалъ Ивановъ.

— Вотъ тебѣ разъ, какое дѣло! Во-первыхъ: это шельма, тиранъ, сокъ изъ бѣдныхъ крестьянъ выжимаетъ, *бизуномъ* расправляется, съчетъ, грабитъ; во-вторыхъ, по его милости въ дѣломъ старостѣ и въ четырехъ фольваркахъ ни одной смазливой дѣвочки не осталось. Какая же это у чорта Польша! Хоть въ отставку подавай! негдѣ потѣшиться—не въ городъ же таскаться! И что тамъ нашему брату дѣлать? глазѣтъ на кислый виноградъ да облизываться. Я тебѣ, Папа, правду скажу: я этихъ карточныхъ, чопорныхъ барынь терпѣть не могу. Стянуты, затянуты, перетянуты, будто имъ ребра изъ боновъ повытаскали; въ кринолинахъ торчатъ, точно журавли сидятъ на бочкахъ, возагъ и присѣсть нельзя... на ушко ничего шепнуть не могли! сажень—дистанція... а захочешь пойти погулять, амуры затѣять, непременно на хвостъ наступишь. Просто, изъ каждаго хвоста халать можно выгнотить. Ну ихъ! Возись съ этими кометами мѣсяць, другой, *романсу*, да проматывайся, пока добьешься до чего-нибудь существеннаго... Дѣло дрянъ! Я люблю вести любовь по походному, наскоро и безъ слѣдовъ. А съ этими трещотками еще пожалуй въ бѣду попадешь. У нихъ чуть мундиръ, такъ и женихъ. Вотъ ты молодець! держишь ухо остро, а нашъ розмаринъ, безтолковый Мануйло, помани мое слово, убьетъ бобра! Не будь я Игнацій Семеновъ Ступачевъ, вели не женить дурачка такъ, что и не спохватится... Ну, прощай, Папа! Спасибо, что довезъ. Дѣло идетъ въ свѣту. Скоро на ученье. Не успеешь и соснуть... А онъ, шельма, прохлаждается! какъ сыръ въ маслѣ плаваетъ! Походи, погоди! Каменная стѣна не поможетъ! Я изъ тебя сыворотку выжму! Ну, прощай, Папа! покойной ночи.

Напрасно Ступачевъ, какъ добрый служака, безпокоился. Ученья не было, и Орлей и офицеры проспали до полудня. Собрались чай распивать къ Иванову: въ этотъ день была его очередь.

Павелъ Михайловичъ Ивановъ давно уже всталъ; когда при-

идеть Орлей, съ офицерами. Онъ сидѣлъ за столомъ, писалъ письмо и такъ былъ занятъ, что и не замѣтилъ, какъ вошли товарищи.

— Къ которой? спросилъ Орлей. — Вчера много было хорошенькихъ. Было изъ чего выбрать. Только не рано ли, Паша, пускаться въ корреспонденцію? Вчера была только первая рекогносцировка. Надо прежде осмотрѣться, условиться, чтобы одинъ другому не мѣшать. На военномъ совѣтѣ съ младшаго начало. Ну, Паша, ты за кѣмъ намѣренъ приударить?

— Нашли у кого спрашивать — замѣтилъ Ступачевъ — у него сердце точно жѣстянка съ сардинками. Безъ ножа и вострика не добудешь... Пари! скажетъ: ни одной интересной!

— Что дальше? съ улыбкой спросилъ Ивановъ.

— Ну ужъ, Паша, сердись, не сердись, а ты у насъ шельма. Вотъ всю Польшу исколесили... Пользугу, понимаете, цвѣтнискъ красоты! Между поломойками попадаются такія, что у добраго гусара усы сами собой ерошатся. Гм!... А у Паши будто талисманъ въ карманѣ. Ни одной зазнобы, ни одной сердечной царапины... И вчера, будьте благонадежны, никто не понравился... а вретъ...

— Ну, что, Паша — присталъ Орлей — что, въ самомъ дѣлѣ, никто? Point du tout?

— Молчать! значить зацѣпило.

— Пересталъ бы ты врать, Ступачевъ! А вотъ что правда, такъ правда. Мнѣ иногда и самому досадно. Гусаръ-то я гусаръ, а гусарскаго артикула не исполняю. Пью мало, точно на діетѣ; за дѣвушками волочиться рѣшительно не умѣю, а замужня — странное дѣло — будь раскрасавица, не нравится.

— Вотъ вздоръ какой! замѣтилъ Орлей, опорожнивъ стаканъ чаю залпомъ и набивая трубку. — Паша! что, у тебя есть еще жужовъ?

— Осталось фунтовъ пять, не больше.

— Одожи фунтикъ. Завтра отдамъ. А что касается до замужнихъ, такъ это, братъ, самое настоящее-то и есть. Никому убытка. Сойдешься, разойдешься, будто ни въ чемъ не бывало. Я вотъ откровенно скажу: пусть Мануйло сердится, а по гусарскому артикулу въ дѣвушкамъ, ради одного плейсиру, приставать не годится. Въдъ не женишься?

— А почему знать?

— Потому что, во-первыхъ, женитьба не походное дѣло. Я самъ

быть по двоюмо молодъ. Разъ десять водмывало женой обзавестись. И отецъ писать: цора, Миша, женись! Жениться небольшая хитрость. Чинъ, лѣта, состоянiе... Только кличь кликни—сами подбѣгутъ на выборъ; а нельзя: такого дѣла не исправиль на рысахъ. Надо невѣсту въ микроскопъ разсмотрѣть. Надо съ нею по домашнему по малой мѣрѣ годъ-мѣста повозиться, норовъ высмотрѣть, нѣтъ ли замашекъ, не будетъ ли промашекъ. Особенно здѣшняя нація, сами знаете, мудреная! Рога ставить— глаголь дѣйствительный, гусарскій; рога носить— глаголь страдательный. Спасибо: невкусно. Ну, это по амурной части. А по хозяйственной: ваково приданое. Не мѣшаешь: времена строгія, роскошь дурацкая, нація любить наряжаться... Не мѣшаешь! Правда, Паша?

— Совершенно правда. Въ такомъ важномъ дѣлѣ совѣсть велить быть осторожнымъ.

— Слышишь, Мануйко? А ты вчера просто прѣлипъ къ Петроидѣ. Слова нѣтъ, царица—не дѣвушка; а по мнѣ та, другая, еще лучше. Я все на нее искоса поглядывалъ да подумывалъ: вотъ бы нашему нѣмцу жениться. То-то выпшла бы настоящая полковница! Правда, Паша?

— Вы такъ убѣдительно рассказываете.. отвѣчалъ Ивановъ, будто не въ духѣ...

— А что развѣ неправда? Нѣтъ, ты сважи, Паша, положивъ руку на сердце, такъ, по откровенности, по-гусарски: вѣдь вчера она, ей-богу, была лучше всѣхъ?

— Конечно...

— Да что конечно! Это, братецъ, не гусарская правда, а политика...

— И не политика—подхватилъ Ступачевъ— а просто на-просто, что, по-нашему называется: зацѣпило....

— Э, Паша! а что? вѣдь на этотъ разъ Ступачевъ не вретъ....

— Какъ и всегда.

— Видно, и у тебя блохи завелись: ты что языкомъ хромаешь? Понравилась, такъ и гласи во всеуслышанiе. Она тебѣ всѣмъ пара: ростомъ чуть не съ тебя, такая же серьезная мива; ты, слава-богу, съ хорошимъ состоянiемъ, она тоже. Одинъ другому глазъ колоть не будете. Только, видишь, Паша! глуна скрытничать. Барышня твоя больно лакомый кусочекъ—не равень часть: въ полку у насъ немало жениховъ, и невѣсть давно

ищутъ. Вѣдь такая принцесса просто кладъ. Приударить, обтобьютъ. А по-гусарскому артикулу: кто первый, у того никто не смѣетъ отбивать. Нечестно! Надо, братъ, по всему полку омовѣстить.

— Что вы, что вы...

— Нельзя, братецъ! Не твое дѣло! не мѣшайся!

— Помилуйте, да мнѣ эта мысль еще и въ голову не приходила.

— А мнѣ пришла.

— И мнѣ тоже, подхватилъ Ступачевъ.

— Когда ты вчера съ нею отписывалъ кадрили, такъ у меня съ ума не сходило: вотъ парочка! чудо, загляденье! Конечно, для меня было бы выгодноѣе, если бы на ней женился Вубе... По начальству я бы долженъ былъ за Вубихой ухаживать... Ну, да ты меня знаешь: я не интересанъ. Уступилъ барышню тебѣ, и кончено! За полковницей приволокнуться дозволяется, даже одобряется; ну, а за офицерской женой не годится. Гусарскій артикулъ мудреный. Чортъ знаетъ кто его писалъ. Раздумаешь, такъ чортъ знаетъ почему, а умно. Ну, за дѣло!

— Какъ за дѣло!... Оставьте эти шутки, я васъ прошу.

— Да ты себѣ женись, не женись, а я на всякій случай долженъ, обязанъ твою невѣсту въ нашемъ полку застраховать. Убей Богъ, разсержусь, самъ женюсь, а ужъ, кромѣ тебя, никому не отдамъ такой красы, потому что я крѣпко люблю тебя, Паша!... Что тутъ толковать! Никому не обидно... Никто спорить не станетъ. Ты у насъ первый офицеръ, а она — тоже никто спорить не станетъ — первая невѣста. Слѣдовательно, дѣло на ладони... Кончено! Пугачевъ! чаю и сани!

— Куда?

— Господа! мнѣ не учить васъ! Насъ президентъ и очаровательная президентша такъ обласкали. Учтивость требуетъ немедленно явиться съ визитомъ, отдать респектъ. Это касается чести моего эскадрона. Тамъ ужъ дальше, какъ кому будетъ угодно. А теперь, *je vous prie*, надо ѣхать. Ты, Паша, со мной, что ли?

— Я васъ боюсь: я догадываюсь, что вы хотите круто вернуть такимъ опаснымъ дѣломъ. Предположимъ, допустимъ, только такъ для примѣра, что Аврелія современемъ можетъ мнѣ

понравиться, а вы, такимъ гусарскимъ вольтомъ, рискуете не устроить, а все опрокинуть.

— Не буду, Паша, ей-богу, не буду! Ты умнѣ меня со-
стригаешь. Одьвайся. Дорогой перетолкуемъ. А застрахо-
вать твою Аврельку необходимо. Ты не бойся: я это дѣло
обработаю на свое имя. Понялъ, Паша? Ну, такъ въ походъ!
Пугачевъ! трубку!

И, закуривъ двухаршинную трубку, Орлей надѣлъ фуражку
и, въ халатѣ изъ черныхъ смушекъ, отправился по деревнѣ
домой. То же сдѣлали и другіе офицеры. Ивановъ присѣлъ къ
столу.

— Вотъ и кстати — прошепталъ онъ — сегодня уходитъ
австра. Приписалъ еще нѣсколько словъ, запечаталъ письмо и
сталъ одѣваться.

IV.

На другой день послѣ бала дамы встали позже нашихъ гу-
саровъ. Въ столовой президента давно уже было подано нарядное
сняданье (завтракъ). Чего не было на этомъ завтракѣ: и вет-
чина, и котлеты, и колбасы, знаменитыя польскія колбасы, не-
доступныя для подражанія, и сто сортовъ печенья, одинъ дру-
гаго лучше, изъ чистой малемонской муки. На почетномъ
мѣстѣ, насупротивъ бархатныхъ кресель, красовались чайныя
чашки саксонскаго фарфора: точно пансіонерки свою директрису,
онѣ обступили роскошную серебряную сахарницу, украшенную
гербами Жеребовцевъ и Коронскихъ, потому что пани Ма-
тильда была *z domu Koronskich*, тоже старой и почетной поль-
ской фамиліи.

Пацъ-президентъ сидѣлъ у окна и беззаботно смотрѣлъ на
красивую площадь и на мужичковъ, которые, разинувъ ротъ,
въ сотый, тысячный разъ, съ одинаковымъ удивленіемъ гла-
зѣли на великолѣпный дождь Жеребовцевъ. Не одинъ разъ въ
самодольствіи повторялъ про себя президентъ старую польскую
поговорку: *Wart Paś Palaca, a Pałac Paśa* (*)! и какъ будто
только однимъ ухомъ слушалъ „зампгловатя“ рѣчи пана Дави-
гача, который держалъ свою проповѣдь, ходя по комнатѣ мѣр-
ными, тихими шагами....

(*) Пацъ стоитъ дворца, а дворецъ стоитъ Паца.

— Что это за способ! говорилъ Дзвигачъ: — Прилично ли такъ ухаживать за этими проклятыми москалями?

— Чудаки ты, право, пане Станиславе! Самъ же ты говоришь, что главное управленіе народнаго дѣла въ Парижѣ постановило обманывать москалей притворною любезностію....

— Но не въ такой мѣрѣ....

— Э, пане Станиславе! Кто тамъ станетъ мѣрить! Пустяки вы затѣвали! Развѣ у насъ есть силы стать лицомъ къ лицу къ московскимъ арміямъ, гдѣ солдаты какъ грибы растутъ, гдѣ рубаки въ пеленкахъ уже дерутся, гдѣ мощная руна подымаетъ сто тысячъ, какъ шахматную пѣшку? Превжняя система тоже скверная, но все-таки лучше! Проникнуть во всѣ фибры русскаго управленія, разстроить организмъ московской имперіи, ослѣплять гдѣ можно, дурачить, не давать ходу полезнымъ реформамъ — пусть гниютъ въ татарской грязи — о! это, положимъ, и длинная пѣсня, да все-таки съ концомъ....

— До котораго никто не доживетъ. И мы вѣдь не сейчасъ хотимъ поднять революцію. Французъ рассчитываетъ лѣтъ на десять; мы торгуемся, пристаемъ къ нему, чтобы сократилъ срокъ: не хочетъ, а безъ него ничего не сдѣлаемъ.

— А съ нимъ много сдѣлаемъ? Мы помнимъ Наполеона: не теперешнему чета. Шель за насъ и съ нами, а что сдѣлалъ?...

— Еще бы пришлось воевать съ морозомъ на голыхъ степяхъ!

— Какой тамъ чортъ морозъ у разумаго полководца! Эту басню мы слышимъ и читаемъ уже слишкомъ сорокъ лѣтъ. Надувалъ такихъ же легковѣрныхъ, какъ ты! Александръ сдѣлалъ для насъ больше, чѣмъ Бонапартъ. Какая ни есть, а у насъ явилась Польша, все-таки королевство: свое войско, своя управа. Надо было, хотя и по скверной старой системѣ, выработать народное дѣло, обманывать во вредъ Москвѣ, въ пользу Польши, слушаться Конрада Валленрода, а не глухой, хвастливой храбрости неопытной молодежи. Что же хорошаго надѣлали? То же будетъ и съ вами!... Край обнищаетъ; лучший цвѣтъ юношества погибнетъ; москаля раздражимъ; будутъ выводить насъ, какъ таракановъ, а намъ и сердиться нельзя. Сами накликали!...

— Что же, по вашему, сидѣть сложивъ руки, въ плѣну египетскомъ?...

И ждать Моисей! На Чарторыйскихъ и Лелешевичъ далеко не уѣхали, и теперь до цѣли не дойдемъ, а въ цѣли не останется. Особенно на такихъ патріотахъ, какъ вышнѣе, и съ такими патріотками, какъ вчерашнія дамы.... Глупости говоришь ты, пане Станиславе! И я, и жена, и дочери мои любимъ отечество не хуже тебя; но мы поняли, сознали необходимость и покорились неотвратимымъ судьбамъ Польши. Да что мнѣ съ тобою притворяться! Хочешь знать задушевную правду, такъ слушай: надо взяться за умъ, бросить путь обмана и притворства, на старые счета положить крестъ забвенія и спроводить ихъ не въ архивъ, а въ печку! Не въ притворномъ, а въ искреннемъ братскомъ союзѣ, но, прошу понять, въ настоящемъ братскомъ союзѣ, и мы и Москва сто разъ больше бы выиграли. Мы не ившади бы одинъ другому. Подумай самъ: что мы дѣлаемъ. Москаль ищетъ нашей дружбы! Весь на распашку! Отвѣчай ему тѣмъ же. Обнимемъ, пане москалю, пойдемъ работать, чтобы и тебѣ и мнѣ было хорошо... У! вышла бы Америка, пане Станиславе! да еще кака! Славянская Америка! И чеки и славяне къ намъ бы пристали; про Галицію и говорить нечего: тамъ и безъ того народъ русскій, и подъ австріяномъ сидѣть ему не вкусно. Равноправная семья добрыхъ, честныхъ, богатырскихъ народовъ... Чуть не на одномъ языкѣ всѣ говорятъ. Куда твой Америка! Э...

И панъ президентъ всталъ и топнулъ ногою.

— Кляшторные заботоны (монастырскіе предрасудки) не дадутъ дожить до этого. Словно полоумные, мы подъ француза-суфлера дѣлаемъ москалю всякую пакость, втихомолку. Не видить, но чувствуетъ: у него *spiritus wanchatiwus* (духъ обонянія) не хуже нашего. Кто же виновать? Поневолѣ съ нами расплачивается тою же монетой. Только та разница, что у насъ, положимъ, умъ вредить, а у него сила вредить больше. Вотъ тебѣ и вся дифференція! И не только каждый часъ, каждую минуту раздраженіе растетъ и, разумѣется, дойдетъ до того, что по улицамъ будемъ грызться какъ собаки, на потѣху и на пользу западнымъ поджигателямъ.... Вотъ такими-то *фацеціями* (шутками) Польшу, Господа, даромъ изводите, и, вмѣсто равноправнаго племени славянскаго, останется чернь съ *колтуномъ* (*), какъ жмудзины въ Литвѣ.

(*) Самогитская болѣзнь головы.

Мнѣ *политиковать* съ тобою нечего. Я говорю правду. Старая система, подлая, скверная, ведетъ только къ взаимному разрушенію; но ваша еще хуже, потому что съ нею мы погибнемъ раньше срока....

— Не погибнемъ! Поѣзжайте въ Парижъ: вы увидите!...

Вошла пани Аврелія. Дзвигачъ замолчалъ.

— Что, моя Реля? спросилъ президентъ ласково и нѣжно, садясь на иржеише мѣсто. — Мама встала?

— Еще не выходила: одѣвается.

— Что же такъ долго? а я, признаюсь, проголодался.

— И я тоже, папо, сказала Аврелія съ очаровательною наивностію. — Неудивительно: досыта натапцовалась. Не правда ли, было весело?

— Всегда весело — перебилъ Дзвигачъ — когда много гусаровъ.

— Что правда, то правда, отвѣчала Аврелія съ тою же наивностію. — А знаешь, папо, я сегодня долго не могла заснуть.

— Ага! кто же тебѣ такъ понравился?

— Нѣтъ, не то! Мнѣ всѣ понравились. А я хототала громко, такъ что Петронилла сердиться стала. Съ чего это взяли панны визитки, что москаля, всѣ безъ исключенія, уроды, народъ дикій, грубый, хуже нашихъ хлоповъ, что они неспособны ни къ какому нѣжному чувству, жаждутъ только крови, и больше всего крови польской....

Аврелія расхохоталась.

— Что дальше? мрачно спросилъ отецъ.

— Стыдно говорить, а скажу, потому что, право, досадно. Каждый день регулярно панны визитки, точно урокъ, намъ толковали, что отъ москалей отъ всѣхъ, отъ пана до хама, пахнетъ табакомъ, водкой и казармой.

— Значить, панны визитки запрещали вамъ сближаться съ москалями?

— У.... на милю—строго приказывали—держи себя отъ москаля! вы должны ихъ презирать, ненавидѣть. Они прямое племя Каина, хуже жидовъ. Не могу вспомнить безъ смѣха, какъ панна Урсула, такая молодая, хорошенькая, а какъ про москаля зайдетъ рѣчь, кашпонъ назадъ забросить, надуется, кричить: „знайте, дѣти, что смотрѣть на москалей грѣхъ, а

тѣ, что за нихъ замужъ выходить, тѣ уже и на этомъ и на томъ свѣтѣ пропація, совсѣмъ пропація!“

— И вы вѣрили? •

— Мы не знали и не спорили.

— А теперь вѣришь?

— Не могу удержаться отъ смѣха.

— Благородныя наставницы! воскликнулъ Дзвигачъ съ запальчивостію. — И вы позволяете себѣ надъ нами смѣяться!

— Безчестныя наставницы! закричалъ панъ-президентъ, вскакивъ и топнувъ ногою. — Вотъ кто продаетъ Польшу на пропаятіе: ксендзы, мнѣхи и мнинки!...

Наступило молчаніе. Аврелія перепугалась. Она никакъ не ожидала, что проповѣдь папѣннъ визитокъ вызоветъ такую бурю. Вошла Петронилла.

— Нила—сказалъ отецъ съ горечью — тебѣ панны визитки тоже такіе *дэмолоны* рассказывали, тоже учили ненавидѣть москалей?

— Разумѣется!

— И ты имъ вѣрила?

— Отчего же не вѣрить? Они враги и тираны Польши!

— Вотъ языкъ, достойный польки! торжествуя, замѣтилъ Дзвигачъ.

— Но вчера ты была съ ними ласкова, разговорлива, любезна....

— Что же? Вѣдь нельзя было сказать имъ въ глаза, что я ихъ готова въ ложкѣ воды утопить.

— Bravo! bravo! смѣясь, повторялъ Дзвигачъ.

— И ты въ самомъ дѣлѣ утопила бы ихъ, если бы представился случай?...

Петронилла вспыхнула, распрасяблась и посмотрѣла на Дзвигача такъ знаменательно, какъ будто спрашивала: что ей на это отвѣчать?

— Вижу, вижу — сказалъ президентъ, съ горькой улыбкой — ты еще не вышла изъ школы. Рассталась съ визитками, попала къ болѣе опасному профессору.... Выйдешь замужъ; у васъ будетъ согласная музыка.

— Разговоръ нашъ весьма кстати: я хотѣлъ просить, нельзя ли ускорить свадьбой.

— И я тоже. Терпѣть не могу пустыхъ проволокъ. Вотъ кстати и Маниля....

*

Какъ ни были прекрасны обѣ дочери, но пани Матильда затемняла ихъ: такъ расчетливая изысканность туалета, хотя иногда и обманчиво, возвышаетъ женскую прелесть. И Петронилла и Аврелія, въ своихъ простенькихъ платьицахъ, казались горничными дѣвочками передъ матерью, которая тоже была въ утреннемъ, но утонченно-разсчитанномъ костюмѣ. Какія средства употребляла пани Матильда, для возвышенія своей красоты, это ужь ея секретъ; но этотъ секретъ былъ истиннымъ торжествомъ косметическаго искусства, потому что свѣжестъ, бѣлизна и румянецъ лица не внушали даже и тѣни подозрѣнія. Поздоровавшись со всѣми онерами, чинно, чтобы не сказать: жеманно, пышная хозяйка усѣлась на свое бархатное кресло; нарядный слуга принесъ на серебряномъ подносѣ фаянсовый, заплетенный въ проволоку *имбриксъ* съ кофе и высокой молочникъ съ густыми сливками. Зашевелились и зазвенѣли чашки. Пани Матильда была, какъ говорится, не въ духъ; никто не хотѣлъ начинать бесѣды, чтобы не сказать чего не впасть.

— Должно быть, уже поздно, сказала Матильда сухо, ни на кого не глядя.

— Скоро два часа, отвѣчалъ панъ-президентъ.

— Какъ быстро летитъ время! продолжала Матильда.

— Особенно для влюбленныхъ.

Пани Матильда строго посмотрѣла на мужа.

— Особенно, я говорю, для пана Станислава. Онъ хочетъ подать въ твой трибуналъ просьбу: нельзя ли ускорить свадьбой?

— Ребячество! Кто женится передъ новымъ годомъ? Отпразднуемъ Рождество и примемся за свадьбу.

— У меня все готово. Вы довольны?...

— О, вы превосходно умѣете вашей добротѣ придавать врожденный видъ пріятной нечаянности...

Вшелъ тотъ же нарядный слуга съ докладомъ:

— Панъ ротмистръ Орлей съ офицерами.

— Проси въ гостиную, сказалъ президентъ.

— Э, на что эти церемоніи? перебила пани Матильда. — Хлѣбъ - соль самое приличное начало для новаго знакомства. Проси сюда...

— Проси сюда, повторилъ президентъ, не потому, что онъ

привыкъ не прекословить женѣ, а потому, что и ему самому понравилась ея мысль.

Гусары не заставили себя ждать долго.

— То, что пріятно—сказаль Орлей, подходя къ хозяйнѣ— то исполняется охотно и скоро, и вы, конечно, не осудите нашей поспѣшности исполнить такую пріятную обязанность...

— Мы умѣемъ цѣнить такое вниманіе, отвѣчала пани Матильда съ легкой улыбкой, не подымаясь съ кресель.—И доказательство налицо: мы позволили себѣ встрѣтить васъ безъ церемоніи, по домашнему... Неудобно ли принять участіе въ нашей утренней работѣ?... Мы все такъ заспались послѣ вчерашняго бала, что вмѣсто обѣда принялись завтракать. Господа будутъ столько любезны, что не заставятъ себя упрашивать. Терпѣть не могу подчиваній! Несносно! мѣшаетъ пріятной бесѣдѣ.

И пошли турусы на колесахъ. Орлей усѣлся насупротивъ президентши; Ивановъ возлѣ; дальше Ступачевъ, а Мануйко уноровиль-таки усѣсться возлѣ Петрониллы. Надо разъ навсегда сказать, что хотя главный разговоръ шелъ постоянно по-французски, однако иногда офицерами употреблялся и польскій языкъ, разумѣется изуродованный. Только одинъ Ивановъ говорилъ на немъ нѣсколько посвященъ, потому что выучился читать и познакомился кое-какъ съ Мицкевичемъ и съ современной польской литературой.

— Это нашъ толмачъ, драгоманъ, говорилъ Орлей, съ гордостію поглядывая на Иванова.—Впрочемъ, онъ у насъ на все мастеръ: рисуеть, стихи пишетъ, поеть...

— Вы поете? спросила пани Матильда. Ничего такъ не люблю, какъ пѣніе. Аврели могла бы хорошо пѣть, да въ нашемъ городѣ нѣтъ порядочнаго учителя...

— А вы не поете? спросилъ Мануйко у своей сосѣдки.

— Пою, когда никто не можетъ слышать...

— То есть вы скрываете ваши таланты...

— Лучше, покойнѣе: не мучать просьбами...

— Значить, вы не любите доставлять удовольствіе другимъ...

— Прежде себѣ, а потомъ уже другимъ...

— Я не подозрѣвалъ бы въ васъ такого эгоизма.

— А почему?...

— Спросите у зеркала...

— Конфетчикъ... Не опасенъ!... прошепталъ Дзвигачъ.

— Хорошаго, настоящаго учителя пѣнія—отвѣчалъ Ивановъ—вездѣ, даже въ столицахъ, найти трудно. Но, сколько я замѣтилъ, въ польской націи такъ много самородной музыкальности, что даже гении достигаютъ высокой степени совершенства самоучкой...

— Вы, конечно, знаете нашего несравненнаго Шопена?

— Слышалъ много его піесъ. Игралъ мало, а люблю его музыку безъ памяти, люблю какъ дилетантъ, космополитъ; но воображаю, какія мучительныя ощущенія поднимаютъ эти звуки въ польскомъ сердцѣ. Это польскіе вопли!... Если и развеселится, то смѣется сквозь слезы. Я люблю и вмѣстѣ жалѣю Шопена. Это высоко-честный человѣкъ, но не патриотъ, а фанатикъ польской идеи тридцатыхъ годовъ. Русскіе, разумѣется, на это не обращаютъ вниманія; но удивляюсь, какъ музыкальныя сочиненія Шопена до сихъ поръ не запрещены въ австрійской Галиціи. Никакое краснорѣчіе не имѣетъ силы шопеновской пропаганды!...

— Вотъ этотъ опасенъ! проворчалъ Дзвигачъ.

— Вы, какъ видно—замѣтила пани Матильда — много занимаетесь музыкой?

— На ручной гармоникѣ, подхватилъ Ступачевъ, убирая какую-то птицу, зажаренную въ смѣтанѣ.—Пеходный инструментъ! Впрочемъ, Паша, городъ здѣсь большой: на твою мѣстѣ я взялъ бы на прокатъ какіе-нибудь фортепяны. Одно бѣда: въ нашихъ хатахъ не помѣстятся.

— Ахъ, Боже мой—перебила пани Матильда — да кто же вамъ мѣшаетъ играть на прекрасномъ вѣнскомъ паяталонѣ (роялѣ), который мой мужъ купилъ для деревни?

— Кланяйся, Паша! Только вотъ что: жалуетъ царь, да не жалуетъ псарь. Панъ Култусъ будетъ водить его къ роялю подь конвоемъ....

— Панъ Култусъ? спросила Матильда съ удивленіемъ, взглянувъ вопросительно на мужа.

— Панъ Култусъ формалистъ: безъ моего разрѣшенія ничего не позволить. Я прикажу....

Какъ ни простъ былъ отвѣтъ президента, но онъ побуждалъ Ступачеву подозрительнымъ.

„Э, братъ — подумалъ онъ — нѣтъ ли и у тебя тамъ сво-

его курятника? Ну да ничего! Миѣ лишь бы щелку въ палець: я туда верхомъ на моемъ „Абдель-Кадерѣ“ проѣду.“

Встали. Орлей съ офицерами откланялся, къ особенной досадѣ Ступачева, потому что на другомъ концѣ стола красовались какіе-то мудреные пироги, возбуждавшіе его гастрономическое любопытство. Хозяинъ и хозяйка проводили гостей съ обычною любезностію, пригласили всѣхъ разъ навсегда на вечера по вторникамъ, взявъ слово, что они не будутъ ограничивать своихъ посѣщеній этимъ однимъ, урочнымъ для всего города, днемъ.

— Милости просимъ обѣдать хоть каждый день въ два часа, и т. д.

— Ну, Папа, ты со мной? спросилъ Орлей на подъѣздѣ.

— Я долженъ отдать письмо на почту. Больше мѣсяца домой не писалъ. Тамъ Богъ знаетъ что подумаютъ. Да еще хотѣлъ къ портному....

— Вотъ и я тоже, подхватилъ Ступачевъ.

— Ну такъ возьми же ты Ступачева, а мы отправимся съ Мануйкой.

— А что, Папа, сослужилъ я тебѣ службу? Досталъ тебѣ „панталонъ“, и хорошій, и даромъ.

— Душевное спасибо. Я очень ятому обрадовался.

— погоди, не радуйся: даромъ ничего не дается. За эту услугу ты долженъ учить меня играть на фортопьясахъ.

— Въ твои лѣта? Странная припала охота!

— Странная, не странная, а учи! Миѣ лишь бы барабанишь въ ладъ подъ мои ухарскія пѣсни.... Чортъ знаетъ, когда панъ-президентъ отдастъ приказъ этому уроду! Даль бы цѣлковый, чтобы подслушать, какъ онъ будетъ приказывать.

V.

На другой же день панъ-президентъ, къ общему удивленію офицеровъ, пріѣхалъ на Жеребовецъ, расплатился визитами, объявляя о своихъ распоряженіяхъ по экономіи; пиво и медъ приказано было отпускать по востребованію; сверхъ того, каждому велѣно доставить по анкерку венгерскаго вина, среднего, но весьма приличнаго качества. Долѣе, чѣмъ у другихъ, просидѣлъ Жеребовецъ у Иванова; но едва онъ ушелъ, какъ на смѣну ему явился Ступачевъ.

— Ну, Паша, мортопьянъ завоевалъ! Пойдемъ учиться....

— Завтра.

— Не могу, Паша, право, не могу такъ долго терпѣть. Страсть къ музыкѣ одолеваетъ. Пойдемъ, попробуемъ, каковы эти расхваленный панталонъ....

— Дай покрайней мѣрѣ пану-президенту ухачь!

— Оно и такъ и не такъ! Того гляди, плутъ Култусъ съумѣетъ передъ носомъ ворота запереть! Нѣтъ, такъ нельзя!

И Ступачевъ отправился на часы: ходилъ, ходилъ, промерзъ. Уже смерклось, когда со двора тронулись парадныя господскія сани; тотчасъ за ними выѣхали еще два возка съ неизвѣстнымъ содержаніемъ и направились по другой дорогѣ.

— Вотъ тебѣ разъ! Ухитрились-таки! Курятникъ, видно, въ другомъ мѣсто вывели.... Не унывать, Ступачевъ! маршь, маршь!...

И въ три прыжка онъ очутился въ воротахъ, гдѣ стоялъ панъ Култусъ, съ двумя женщинами и двумя сторожами.

— А гдѣ панталонъ? спросилъ Ступачевъ небрежно, не глядя на Култуса.

— Не настроенъ, отвѣчалъ тотъ сухо.

— Ничего: я самъ умѣю строить....

— Дали вдючъ у пани; позабыли прислать....

„Эка бестія!“ подумалъ Ступачевъ. — Ничего: я только посмотрю, какова работа....

— Выскакали!

— И безъ тебя знаю, но хочу видѣть. А ты этомъ олицетворяешь чтоу васъ?

— Это моя квартира.

— Виноватъ, пане Култусъ! До сихъ поръ не былъ, не поблагодарилъ за гостепрѣимство. Все равно, зайдемъ теперь, выкуримъ по трубкѣ....

— Извините: право, теперь не могу. Ков-что надо на завтра рабочимъ приказать....

— Ничего, ничего, приказывай. Я тебѣ не помѣшаю: посижу, трубочку покурю, обогрѣюсь....

И, не слушая никакихъ возраженій, Ступачевъ вошелъ и на самомъ порогѣ встрѣтилъ Зосю, дочь Култуса, прехорошенькую дѣвочку лѣтъ одиннадцати. Култусъ бросился за ней, но уже опоздалъ. Ступачевъ успѣвъ вступитъ въ разговоръ и

съ дѣвочкой и съ ея дородной, красивой няней. Обѣ примѣтно были рады гостю, особенно няня.

— Вы тутъ кто! гнѣвно сказалъ Култусь. — Ступайте въ свою комнату....

— Ни за что не позволю! Я не съ тѣмъ пришелъ, чтобы нарушать домашній порядокъ. Ну что же, панъ Култусь, подчивай *файкой*.... Будь такъ мила, няня, подай табакъ и трубку;....

— Я самъ, я самъ! перебилъ Култусь и поспѣшно направился въ другую комнату.

— Да онъ у васъ тиранъ, какъ я вижу! Онъ тебя мучить, няня, не правда ли? шепталъ Ступачевъ на ухо нянѣ.

— Охъ, ужъ не говорите! отвѣчала няня, отбѣгая отъ Ступачева.

— Марианна! закричалъ Култусь изъ другой комнаты. — Гдѣ же табакъ?

— Это онъ меня отсюда вызываетъ, сказала Марианна тихо, но такъ, что Ступачевъ могъ разслушать. — Какъ гдѣ? всегда на одномъ мѣстѣ—на полкѣ....

— Какой тамъ чортъ на полкѣ!

— Вѣрно, панна Зося куда-нибудь переставила. Подите, Зося, същите папашиный табакъ.

Зося ушла. Ступачевъ къ нянѣ, а та, въ ужасѣ, скороговоркой:

— Ради Бога не подходите, а то и меня сошлютъ на Глухой фольварокъ....

— Что такое?

— Послѣ, послѣ....

И Марианна убѣжала.

VI.

Я долженъ пропустить множество подробностей, драгоценныхъ для словоохотнаго романиста, но скучныхъ для читателя. Постарюсь пройти ихъ речитативомъ, чтобы поскорѣе добрался до какой-нибудь арии или дуэта. Ивановъ ежедневно игралъ на прекрасномъ въисконъ инструментѣ; Ступачевъ ежедневно бралъ уроки, т. е. ходилъ на барскій дворъ вмѣстѣ съ учителемъ. Время Ступачевъ всегда выбиралъ такое, когда пану Култусу дѣла было по горло, о чемъ онъ получалъ всег-

да самыя точныя извѣщенія по тайнственному, невидимому телеграфу. Какъ ни зорко смотрѣлъ Култусъ за Маріанной и своими и чужими глазами, но противъ Ступачева человѣческія мѣры оказались недостаточными. На чужіе глаза онъ насадилъ золотыя очни; на хозяина налѣпилъ рога такъ, что не только малочисленная дворня, но и Зося не замѣтила, какъ попала въ комплотъ и сама себя запутала въ сѣтяхъ ступачевскихъ. Зосѣ жаль стало страдальца-любownika и бѣдную Маріанну, угнетенную рабыню, несчастную жертву панскаго деспотизма, и одиннадцатилѣтняя дѣвочка нечувствительно сдѣлалась *конфиденткой* и помогала романсу (по-русски—роману) своей дородной няни.

По вторникамъ Орлей со своими офицерами исправно являлся въ *палацъ* жеребовскій; обѣдать ѣздили только по приглашенію. Послѣ обѣда, Ивановъ приводилъ всѣхъ въ восторгъ своею игрою и пѣніемъ. Шли, какъ сами знаете, параллельно четыре романа разомъ.... Но вотъ и новый годъ промелькнулъ и стараго и новаго стиля, а ни одинъ романъ ни на волосъ не подвинулся впередъ. Орлей безъ остатка попалъ подъ башмакъ пани-президентши; только и думалъ о томъ, какъ бы разнообразить ея удовольствія, заколдовать ее своею предупредительною внимательностію. Нѣсколько разъ бросался онъ въ страстную атаку; но всякій разъ не пани Матильда, а случайнасмѣшникъ ставилъ ему подножку. Препятствія только раздражали и усиливали страсть. Неудача бѣсила Орлея, не привыкшаго отступать нигдѣ, и усиливала его рѣшимость. Мануйко израсходовалъ весь запасъ своихъ сладостей; конфектная лавка опустѣла. Петронилла, попрежнему, была съ нимъ любезна, подшучивала, даже кокетничала, называла своимъ пріятелемъ, и Мануйко, по простодушному самолюбію, былъ убѣжденъ, что, какъ только Петронилла выйдетъ замужъ, онъ тотчасъ же поступитъ къ ней въ штатныя чичисбеи. Двизгачъ прозаически доканчивалъ свой романъ, хлопоталъ о свадьбѣ, убиралъ домъ въ городѣ и домъ въ деревнѣ, завалилъ комнату Петрониллы дорогими подарками и съ досадою удивлялся, почему его магнатская щедрость не приводитъ въ дѣтскій восторгъ такую молодую дѣвушку. Сама пани Матильда не могла надивиться ея равнодушію и не разъ говорила мужу: „Ну, Ясю, у нашей Петрониллы истинно-римскій характеръ!“ Одинъ Ивановъ, попрежнему, ни о чемъ не заботился. То же рѣшое.

со всѣми обращеніе, та же веселость безъ шутовства, та же умная рѣчь безъ педантизма. Разговоры съ Авреліей касались только музыки; но и въ нихъ проглядывали какое-то дружеское, не больше, чувство, искренняя прямота, будто у старинныхъ знакомыхъ, и взаимное величавое самоуваженіе. Одному шелъ двадцать-шестой, другой семнадцатый годъ; а слухая ихъ можно было подумать, что это зрѣлая, испытанная жизнь пара, неспособная ни къ какимъ романтическимъ увлеченіямъ. Панъ-президентъ тоже былъ, попрежнему, ровень и спокоенъ, попрежнему ходилъ на охоту, только не въ жеребовскія рощи, а на Глухой фольварокъ, расположенный въ завѣтныхъ, непечатыхъ лѣсахъ, которыми обиловала вся губернія.

Наконецъ наступилъ день свадьбы Дзвигача и Петрониилы. Для романиста опять находка; но мы, не умѣющіе пользоваться золотыми подробностями, скажемъ только, что по случаю свадьбы было дано два блистательныхъ бала, одинъ въ первую октаву, т. е. на восьмой день послѣ свадьбы, у Жеребовца, другой во вторую октаву, у Дзвигача. На этомъ второмъ балѣ приключилась исторія, измѣнившая ходъ дѣлъ: гусары были приглашены на балъ, за исключеніемъ только одного Иванова. Разумѣется, вѣсть объ этомъ разнеслась по всему полку, и, къ общему удивленію и досадѣ прекраснаго пола, ни одинъ гусаръ на балъ не явился. Петронилла торжествовала, самодовольно поглядывая на сестру. Дзвигачъ ходилъ гоголемъ по наряднымъ комнатамъ и объяснялъ всѣмъ и каждому невѣжливость офицеровъ, не уважившихъ его приглашенія.

— Что-то не такъ рассказываетъ твой мужъ, замѣтила пани Матильда дочери, съ трудомъ скрывая досаду. — Вѣрно, вы сдѣлали какой-нибудь *афронтъ*, и, безъ сомнѣнія, съ умысломъ?

— Право, не понимаю причины, отвѣчала Петронилла, также съ большимъ трудомъ скрывая полное свое удовольствіе. — Можетъ быть, случайно забыли послать кому-нибудь приглашительный билетъ. Мало ихъ! могли пропустить. Недоразумѣніе!

— Неприятная исторія!

— Что жъ гудеть неприятнаго? И безъ нихъ будетъ весело; скучать никто не будетъ. Кавалеровъ довольно. Будто мы безъ гусаровъ и жить не можемъ!

Впродолженіе этого коротенькаго разговора, взора два было брошено на мать, взора два на сестру.

— Не правда ли, Орели, никто изъ нашихъ дамъ и не замѣтитъ ихъ отсутствія?

— Я не знаю вашего расчета, милая Петронилла—отвѣчала Аврелія такъ спокойно, такъ величественно, что, глядя на дочь, слушая ее, пани Матильда не только утѣшилась, но съ гордостью сознала, что и за нее ловко отмстили — но все-таки не могу не удивляться. Для того, чтобы избавиться отъ докучливаго Мануйки, вы рѣшились обидѣть столько прекрасныхъ и достойныхъ людей. Можно было удалить Мануйку какъ-нибудь иначе, безъ неловкой огласки, не оскорбляя всѣхъ, а теперь, сама подумай, что скажутъ не гусары, а наши дамы, наша молодежь. Они запоютъ хоромъ, что мужъ твой, изъ ревности, не позвалъ офицеровъ!

Петронилла покраснѣла какъ ракъ. Ей и въ голову не приходила такая дипломатическая комбинація. Тутъ только она догадалась, что, вмѣсто одной цѣли, они съ мужемъ попали въ другую, и преглупую.

— Недоразумѣніе, больше ничего, проговорила она скоро, въ сильномъ волненіи. — Завтра же объяснится. — Отошла быстро и скрылась въ анфиладѣ комнатъ.

— Какъ глупъ Дзвигачъ! сказала пани Матильда младшей дочери. — Ну что онъ хотѣлъ этимъ доказать?

— Это не онъ, это она, сказала грустно Аврелія.

— Какіе пустяки!

— Я лучше знаю, мамо!

— Да съ чего же она?

Аврелія не отвѣчала. Фрачная кавалерія, понуждаемая хозяиномъ, гурьбой бросилась ангажировать дамъ. Все завертѣлось въ вальсъ. Петрониллы не было, къ немалому удивленію мужа; онъ бросился искать ее и нашелъ въ спальнѣ, на постели, въ слезахъ.

— Это что?

— Ахъ, *козаны* Станиславе! что мы съ тобой надѣлали!

— Значить, и ты недовольна, что дѣтъ этихъ чудовищъ?

— Не то, не то! Мы хотѣли разсорить ихъ, образумить Аврелію, дать ей урокъ, спасти несчастную изъ когтей волка, въ овечьей шкурѣ!...

— Такъ что же! Исторія только что начинается, а ты уже

отрусил. Аврелия не смутилась; но это не такой характер, чтобы отступитъ съ перваго шага.

— Ахъ, Станиславе, ты забываешь даже жену, когда дѣло идетъ о москаляхъ. Люди не такъ толкують.

— Пусть себѣ толкують какъ имъ угодно, а мы, во что бы то ни стало, такъ или иначе, должны разстроить неестественную дружбу почтеннаго польскаго дома съ московскими солдатами, не допустить страшнаго позора, чтобы сестра твоя вышла замужъ за москаля.

— Сдѣлай, сдѣлай такъ, Станиславе! Если она выйдетъ за него замужъ... честь нашего дома, чувство національной гордости... Но ты не допустишь?

— Такъ не будь же бабой, Петронилла! Не плакать надо, а дѣйствовать. Надо дать дѣлу такой тонъ, что не мы, а насъ обидѣли! Понимаешь? и отецъ и мать должны за насъ вступиться. Явится охлажденіе; тамъ опять что-нибудь придумаемъ. Хорошій полководецъ не дѣлаетъ подробнаго плана впередъ, а пользуется случаями, которые подбрасываетъ ему подъ руку счастливая минута.

— Такъ онъ не женится? улыбаясь и поправляя передъ зеркаломъ прическу, сказала Петронилла.

— Не женится, если будешь дѣйствовать какъ прилично доброй полькѣ: хитро и настойчиво.

Двигачъ ушелъ. Петронилла все еще смотрѣла въ зеркало, смотрѣла, смотрѣла и опять ударилась въ слезы.

— Нѣтъ—сказала она, рыдая и топая ногами—она лучше! она выйдетъ за него, выйдетъ! Неужели я дамъ ей замѣтить побѣду! Никогда, никогда!

И Петронилла стала охараиваться, поправила и, какъ ни въ чемъ не бывало, уже неслась въ вальсъ съ первымъ встрѣчнымъ кавалеромъ.

Заварить всякую кашу легко, но трудно расхлебать ее.

Мужчины восхваляли Двигача за то, что утеръ москалямъ носъ; а то мѣстная молодежь, по ихъ милости, безвременно вяла въ тѣни. Дамы подсмѣивались надъ ревностію Двигача чуть не въ глаза Петрониллѣ. Но она уже не огорчалась, не сердилась, напротивъ разбрасывала такіе мудреные намеки насчетъ патріотизма польскихъ дамъ, что многимъ изъ нихъ нездоровилось.

— Я не удивляюсь, что они позволили себѣ оскорбить насъ—

говорила она одной изъ самыхъ болтливыхъ сосѣдокъ—имъ у насъ скучно, неловко. Они знаютъ, что ни я, ни мужъ не побѣдимъ въ прихожую снимать имъ шивели и не позволимъ распорядиться въ нашемъ домѣ какъ въ трактирѣ. Бѣднаго поляка, утромъ придеть, не примуть, а эти господа въ чужіе дома ходятъ какъ на *table-d'hôte*; по вечерамъ, чуть не ночью, являются въ домашніе кружки, непрошенные. И всѣ кланяются, благодарятъ за честь. Что дѣлать! Мы съ мужемъ такъ не можемъ. Мы никогда не забудемъ: что мы и дѣ какой принадлежимъ великой націи. Пусть потѣшаются надъ рабами и рабынями, только не въ нашемъ домѣ. Вотъ за что они условились мстить намъ. Неудачная месть! Подлинно по-московски!

На многихъ барынь, особенно пожилыхъ, состоявшихъ уже за штатомъ, подобная дипломатика имѣла удачное вліяніе. Давигачъ, съ своей стороны, говорилъ въ томъ же родѣ; а все-таки балъ прошелъ какъ-то неловко, принужденно, невесело, хотя молодежь и хозяйева изъ кожи лѣзали, чтобы одушевить его.

VI.

Пани Матильдѣ крѣпко не спалось въ эту ночь. Ее мучили соображенія о послѣдствіяхъ вчерашняго происшествія. Сна нѣтъ; лежать надоѣло. Матильда встала, принялась за туалетъ и вышла къ завтраку почти въ одно время съ мужемъ, что было для него совершенною новостію.

— Глупая исторія! сказалъ панъ-президентъ, поздоровавшись съ женой и садясь къ столу на свое мѣсто.—Я рѣшительно сегодня уйду изъ дому, потому что и этотъ парижскій санистикъ, и гусары вѣрно пріѣдутъ съ объясненіями. А чортъ ихъ знаетъ, что тамъ между ними случилось и что я могу сказать имъ въ отвѣтъ. Что это Реля сегодня такъ запоздала? Ей, кто тамъ? Просите панну Аврелію: мнѣ ѣхать надо.

— Куда?

— На полеванье (на охоту). Надо спѣшить убраться изъ дому, а то непременно и Парижъ и Москва набѣгутъ! Ты ихъ прими, выслушай, разузнай, что тамъ такое случилось: мнѣ прежде надобно знать настоящую истину. Гдѣ же Реля?

— Молится, отвѣчала въ то же время вопевшій дворецкій.

— Молится, а мнѣ ѣхать надо! Ну, ужъ эти панны визитки!

И вчерашняя исторія по ихъ милости. Я ихъ не поблагодарю за воспитаніе дочерей.

— На Релю ты жаловаться не можешь.

— Оно такъ: Рели умница; но молиться цѣлый часъ поутру, цѣлый часъ ввечеру! А все *образка*, что ей подарили панны визитки. Ты видѣла, какими она убрала его цвѣтами собственной работы? Ни одна парижская модистка не сдѣлаетъ такъ великолѣпно.

— Что же тутъ дурнаго?

— Дурнаго, если хочешь, пока ничего. Но для меня ханжа хуже вольнодумца. Последняго не разъ удавалось образумить; ханжу сдѣлаешь только упрямѣе и злѣе.

— А потому лучше и не мѣшаться въ дѣла совѣсти, чтобы потомъ не каяться. Пусть она теперь любить и лелѣть свой *образка*. Будетъ мужъ—любовь раздѣлится.

— Мужъ! да, мужъ! послѣ этой глупой исторіи.

— Ахъ, какъ я рада, Ясю, что у насъ съ тобой однѣ мысли!

— А я почему знаю, какія тамъ у тебя мысли! Ты всегда докладываешься мнѣ, когда дѣло уже сдѣлано.

— Какъ тебѣ не стыдно! Я безъ тебя ни шагу не дѣлаю, а ты всегда меня упрекаешь. Хорошо же, я умываю руки, ни во что не буду мѣшаться. Дѣлай какъ знаешь! Вотъ Петрониллу выдали замужъ по твоей волѣ.

— По моей волѣ? Да вѣдь ты сама дала слово безъ моего вѣдома! Ты позвала меня для того только, чтобы благословить.

— И ты говоришь мнѣ это въ глаза! Не я ли тебѣ сказала: охъ, Ясю, смотри, не поспѣшили ль мы?

— Да, сказала тогда, когда уже слово было дано, и мое благословеніе съ меня взыскано только для проформы. Я увѣренъ, что и съ Авреліей будетъ то же.

— Да кто же хочетъ ее выдать за Иванова? Вѣдь не я первая объ этомъ отозвалась.

— Какъ за Иванова? Такъ и ты того же мнѣнія?

— Я не смѣла тебѣ сказать, чтобы потомъ опять чего не вышло.

— Ну, тутъ, кромѣ хорошаго, ничего выйти не можетъ.

— Какъ бы намъ опять не поспѣшить! Мы видимъ его у себя и въ другихъ домахъ. По наружности, прекрасный молодой человѣкъ.

— Превосходный! Главное: онъ не врагъ поляковъ, какъ многіе московскіе невѣжды, что въ глаза смѣются надъ нашей религіей, надъ нашимъ національнымъ характеромъ, даже надъ нашими буквами, зачѣмъ иногда пять, шесть на одинъ звукъ набѣгаютъ. Мысль его: братская любовь. Онъ превосходно понимаетъ, что только одна взаимная братская любовь можетъ соединить Россію съ Польшею узломъ неразрывнымъ.

Пани Матильда вздохнула.

— А что нѣтъ?

— Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ, покрайней мѣрѣ не теперь! Пока наши будутъ ѣздить въ Парижъ, пока будутъ, развѣсивъ уши, слушать француза, который держитъ насъ въ рукавъ какъ кошку, чтобы нашими лапками выгребать русскіе каштаны, пока наши дочери будутъ воспитываться у паннъ визитокъ и у другихъ мнишекъ, пока не родится умный *арчибишкупъ*, который растолкуетъ нашимъ ксендзамъ, что Москва и не думаетъ трогать нашей религіи, пока самъ москаль не объявитъ откровенно, что мы братья, что Москва для насъ и для нашихъ сосѣдей не царица, а сестра, и быть намъ всѣмъ равными на семейномъ совѣтѣ.... о! тогда!...

— О! — перебилъ съ восторгомъ панъ-президентъ — была бы Америка на всю Европу, на весь міръ!... Ты у меня сегодня какъ *Хризостомъ* заговорила.... Да, Маниля! это понимаютъ не хуже насъ съ тобой и французъ и самъ англичъ, а потому мутятъ нашихъ вотъ ужъ двѣсти лѣтъ *обшцанками*.... Если мы сами не возьмемъ за умъ, ничего не будетъ....

Пани Матильда опять вздохнула.

— За умъ! Говори о цвѣтахъ слѣпому; растолкуй ты это пану Дзвигачу или даже нашей Петрониллѣ.

— Не говори мнѣ про Петрониллу. Упрекать себя поздно. И она бы смѣялась надъ парижской Польшею, если бы мы не носилиши. Но что съ воза упало, то пропало. Боюсь, чтобы и Аврелія отъ нихъ не заразилась.

— Не думаю. Но все-таки не спѣши. Надо прежде подробно разузнать про Иванова.

— А ты думаешь, я спалъ. Вѣсти изъ Петербурга самыя благопріятныя. Отецъ и теперь тамъ занимаетъ видное мѣсто, водить хлѣбъ-соль съ вельможами и людьми почетными, имѣетъ тысячу крестьянъ и одного сына.

— Охъ, Ясю! я теперь и сама начинаю бояться за вчерашнюю историю... Ахъ, Боже мой! что-то подвѣхалъ.

— Я такъ и зналъ! Буря начинается: прѣвхалъ Орлей!

— Одинъ?

— Одинъ. Видишь, я угадалъ! Прѣвхалъ на *экспликацію*. Знаешь что, Маниля, ты прими его, распрости, а я пройду черезъ твои покои и уѣду съ задняго двора. Лошади мои должны быть готовы.

И, не ожидая разрѣшенія жены, панъ-президентъ ушелъ во внутренніе апартаменты. Проходя мимо комнаты дочери, онъ невольно остановился.

— Э! подвѣую мою Релю... не задержать...

И съ этими словами вошелъ въ небольшую, но веселую дѣвичью келью Авреліи, въ самую ту минуту, когда она, окончивъ молитву, опускала надъ своимъ любимымъ образомъ нарядныя, обшитыя кружевами, занавѣски.

— Милая Реля? зачѣмъ ты закрываешь свою Матерь Божію?

— Пыль, папо!

— Да она за стекломъ.

— И сквозь стекло проходить.

— Неловко образъ висить у тебя, Реля!

— Я не смѣла просить, а, конечно, если бы сдѣлать небольшой рѣзной алтарикъ, вотъ какъ у бернардыновъ помѣщенъ одинъ завѣтный образъ.

— Тутъ негдѣ, Реля: комната тѣсная; а когда выйдешь замужъ, у тебя будетъ своя моленная: Я тебѣ, въ числѣ приданаго, и алтарикъ сдѣлаю. Я знаю, что ты любишь Бога, но не похожа на этихъ *девутокъ*, которыя дѣлаютъ изъ религіи парадъ или промыселъ. Не правда ли, Реля?

— Пусть меня Господь и Божія Матерь берегутъ отъ такихъ глупостей. А молиться сладостно, папо! Этого ты мнѣ запрещать не будешь.

— Да что я? Долго ли ты съ нами? Какъ знать, выйдешь замужъ за нѣмца, за москаля: понравится ли мужу твоя усердная набожность?

— Я, папо, за такого злаго челоуѣка не выйду. Да ты и самъ меня не выдашь.

— Разумѣется... Мужъ Петрониллы рассказывалъ, будто онъ знаетъ такихъ москалей.

— Не слушай его, папа! Даже совѣстно молчать, когда онъ про москалей рассказываетъ.

— То-то и бѣда, что Петрошила ему вѣрить.

— Нѣтъ, папа, не вѣрить.

— Какъ не вѣрить?

— Да я ужъ знаю, что не вѣрить.

— Развѣ она тебѣ сказала?

— О! она не скажетъ что думаетъ. Мы прежде всегда за это спорили.

— Какимъ же образомъ ты можешь знать?

— Не спрашивай, папа! не годится! Хочешь вѣрь, не хочешь не вѣрь, а я, право, не могу объяснить, почему я такъ думаю. Наконецъ, мнѣ такъ кажется.... А что, мама встала?

— Ого! уже и позавтракала.

— Неужели? такъ рано! Ахъ, какъ мнѣ совѣстно! Ты, вѣрно, самъ за мной пришелъ?

— Нѣтъ. Я ѣду на охоту и пришелъ проститься.

— Надолго, папа?

— Завтра утромъ или къ обѣду вернусь. Да и ты не ходи къ Манилѣ. У нея гости: будетъ экспликація по случаю вчерашней исторіи. Я прикажу подать тебѣ завтракъ сюда.... Ага! Маниля и сама догадалась, прибавилъ президентъ; увидавъ входящую горничную съ подносомъ. — Ну, прощай, Реля! Не скучай: все объяснится, все будетъ хорошо....

Недѣзя сказалъ, чтобы панъ-президентъ былъ во всемъ дальновиденъ. Думая про удовольствія охоты на Глухомъ ольваркѣ, онъ забылъ, что и кромѣ его есть охотники, не менѣе его мѣткіе и отважные.

Пани Матильда не приняла Орлея въ столовой, вышла въ крохотный глубокій будуаръ и усѣлась такъ роскошно, такъ живописно, что Орлей рѣшительно забылъ за чѣмъ прѣхалъ, молча, съ жаромъ и нѣжностію поцѣловалъ бархатную ручку и усѣлся на указанное ему тою же рукою кресло. Но—о радость — прежде указывали ему мѣсто подальше, а теперь самое близкое.

— Ваше здоровье, несравненная пани Матильда?

— Не совсѣмъ хорошо! Ночь дурно спала.

— Приятныя впечатлѣнія бала не давали спать?

— Вы угадали!... Только не приятны? Панъ Михайль всегда увѣрялъ меня въ дружбѣ....

— Мало, мало, божественная Матильда! я всегда уверял васъ въ моей пламенной любви!

— Перестаньте дурачиться! Сколько разъ уже я вамъ говорила.

— И я никогда вамъ не вѣрилъ. Невозможно, чтобы такая прелестная женщина не имѣла нѣжнаго сердца!

— Положимъ, что у меня самое нѣжное сердце. Но что же изъ этого?

— Какъ что? Если у васъ доброе сердце, такъ изъ состраданія прогоните меня, разорвите эту сладостную, (но мучительную цѣпь, которою вы такъ крѣпко привязали къ себѣ несчастнаго счастливца.

— Опять!

— И до тѣхъ поръ не перестану, пока....

— Такъ, перестаньте же теперь! Объ этомъ поговоримъ въ другой разъ, а теперь мнѣ нужны ваша дружба, ваша искренность.... Что вы смотрите на меня съ удивленіемъ? Вещь самая простая. Скажите мнѣ прямо, безъ окологовъ и огородовъ: отчего вчера гусары на балу не были?

— Вещь самая простая. Мы всѣ получили именныя записки съ приглашеніемъ на балъ. Иванова исключили изъ списка. Каждый изъ насъ очень хорошо понялъ, что его не могли позабыть безъ умысла.

— Какой вздоръ! Слуги могли перепутать....

— Нѣтъ, мы у Култуса видѣли собственноручный списокъ офицеровъ нашего эскадрона — рука пани Петрониллы — но тамъ Иванова не было.

— Вѣрно, по ошибкѣ, написали его въ другомъ *индианѣ*.

— Вездѣ справились! И потому честь долга требовала — добровольно отказаться отъ блаженства васъ видѣть! Ахъ, Матильда! вы не довѣрите, но я весь вечеръ сидѣлъ дома, не велѣлъ никого пускать, фантазировалъ: какъ вы одѣты, воображалъ, какъ съ вами танцую, какъ съ вами бесѣдную, шепчу про мою мучительную любовь.

— А я?

— А вы будто меня слушаете, а ваши глаза ходятъ по лицамъ какого-то неизвѣстнаго мнѣ соперника.

— Не правда! Я такъ была раздражена этой глупой исторіей, что ни на кого и смотрѣть не могла. Ну, а что же Ивановъ! охъ, я думаю, страшно обидѣлся?

— Ему не до того! Онъ, бѣдный, тоже весь вечеръ сидѣлъ дома, не пускалъ къ себѣ никого. Ступачевъ десять разъ заходилъ, звалъ играть на фортепьянахъ, стучалъ въ окна, дѣлалъ разные фальшивыя тревоги, чтобы вызвать Поля изъ дому— все напрасно! Мы взяли въ допросъ деньщика его, Пугачева, и узнали, что онъ получилъ вчера какое-то письмо и по цѣлымъ часамъ сидитъ надъ нимъ и думаетъ.

— Что вы говорите? Отъ кого же? Ужь не Дзвигачъ ли придумалъ какую новую интригу?

— О нѣтъ!... съ почты, по всѣмъ соображеніямъ, отъ почтеннаго напеньки....

— Вѣрно, прискалъ ему знатную и богатую невѣсту въ Петербургъ, зоветъ его къ себѣ, велитъ жениться.... Не такъ ли?

— Похоже на то, потому что просто камнемъ сидитъ и думаетъ. И меня это крѣпко расстроило. Я тоже къ нему заходилъ. Спитъ. Пугачевъ говоритъ, что ночью вставалъ, зажигалъ свѣчу, читалъ, читалъ, къ утру едва опять улегся.... Вы задумались? недовольны?

— Конечно: тутъ нѣтъ ничего пріятнаго.

— Да, нашъ планъ, кажется, въ Петербургъ подрываютъ.

— Нашъ? Отчего же нашъ? Вѣдь это вы сочинили, что Поль и Реля прекрасная пара. Вы увѣрили, что они другъ друга любятъ безъ памяти. Мы съ мужемъ объ этомъ и не думали. Конечно, всякій отдастъ справедливость Полю. Какіе родители дѣтямъ своимъ не желаютъ добра? И мы не скрывали отъ васъ, именно отъ васъ, какъ нашего друга....

— Вѣрнаго и вѣчнаго вашего обожателя.

— Ахъ какой вы, право, несносный! Мало у насъ времени дурачиться.... Теперь не до того....

— Дурачиться, когда я страдаю до бессонницы, до сумашествія! А вы не хотите сжалиться надъ моими муками! Скажите одно слово, несравненная Матильда, одно слово!

— Какое нетерпѣніе.

— Матильда! умиосердитесь!

— Ахъ Боже мой! Я такъ разстроена! Романъ Рели далеко зашелъ: въ городѣ заговорили! Я сама виновата. Видите что значить вѣрить вамъ!... Я ничего отъ васъ не скрывала!... Подобная партія не могла мнѣ не нравиться.... И вдругъ!

— И что же вдругъ?... Отецъ написалъ глупость, а надъ серд-

цамъ сына онъ не командиръ. Еслибъ Паша не былъ влюбленъ по уши въ Аврелію, такъ, какъ я въ васъ, сталъ бы онъ долго раздумывать и возиться съ письмомъ!... Въ этомъ отношеніи онъ немножко баба.

— Благодарю... Очень мило!

— Вы меня не поняли. Онъ любить такъ, какъ только можно любить на этомъ свѣтѣ, какъ люблю я. Я это навѣрно знаю. Но онъ не увѣренъ, любить ли и его точно также Аврелію. Его мучать робость, нерѣшительность, застѣнчивость.

— Такія добродѣтели мужчинѣ не къ лицу.

Орлей посмотрѣлъ на пани Матильду вопросительно. Она опустила глаза, какъ будто не желая обнаружить, что неосторожно обмолвилась.

— Нѣтъ, Паша—сказалъ Орлей съ жаромъ—ты изъ этого пѣвна не вырвешься! Не выпущу! я заставлю тебя...

— Добрый пане Михале! Какое нѣжное участіе! Недаромъ я назвала васъ моимъ другомъ.

— Ради Бога, не смѣйтесь въ глаза такъ ужасно! Какая дружба! Это чувство не къ лицу женщинѣ вашихъ лѣтъ и вашей красоты! Предоставьте почтенную дружбу почтеннымъ старушкамъ. Я докажу вамъ, какъ безгранично люблю васъ, докажу на дѣлѣ.

— А отецъ Поля?

— Что отецъ! Всѣ отцы, сколько ихъ ни есть, всѣ на одинъ ладъ. Посердитесь и простите! Не дуракъ же Поль, чтобы бѣжать отъ вѣрнаго счастья... Разумѣется, теперь надо за нимъ смотрѣть въ оба. Разстаться съ вами... У меня сердце болитъ. Но я бѣгу на трудное дежурство... Бережь счастье другаго, когда самъ несчастенъ!

— Вы сегодня неподражаемы!

И Матильда протянула ему свою нѣжную, бархатную, горящую ручку... Восторженный, забывшій все на свѣтѣ ротмистръ засыпалъ ее пламенными поцѣлуями.

— Довольно! прошептала пани Матильда.

— Пора! пора! бѣгу... Позвольте только отдать почтеніе пану-президенту.

— Его нѣтъ дома. Онъ съ утра еще уѣхалъ на охоту.

— Нѣтъ дома! воскликнулъ Орлей, съ любовію смотря на Матильду и не выпуская ея руки.

Матильда торопливо протянула другую руку, чтобы схватить колокольчикъ. Поздно... Орлей не допустилъ...

VIII.

— Пугачевъ, что баринъ? спросилъ Ступачевъ, входя въ низкія и холодныя сѣни, гдѣ дымилъ и кипѣлъ самоваръ.

На Ступачевъ была солдатская шинель, на головѣ солдатская шапка.

— Молятся, отвѣчалъ Пугачевъ, раздувая самоваръ изъ всей мочи.

— Что такое?

— Молятся.

— Вонъ оно куда пошло! Бѣдный Паша! повернулъ налѣво. Ужь эти умники всегда кончаютъ верхъ ногами на боку.... Боленъ, что ли?

— Никакъ нѣтъ! Встали такіе веселенькіе.

— Часъ отъ часу не легче! Плохое веселье!

— Пугачевъ! раздался голосъ Иванова изъ комнаты.

— Что прикажете?

— Нельзя ли чаю?

— Какой тутъ у чорта чай! сказалъ Ступачевъ, поспѣшно входя въ комнату.—Скоро пора обѣдать.

— Развѣ такъ поздно? Ну, спалъ же я богатырскимъ сномъ!

— А теперь какъ себя чувствуешь?

— Прекрасно!

— Ну и прекрасно! Такъ теперь знаешь что: не пей чаю; вредить, право вредить, страхъ какъ на нервы дѣйствуетъ! Пойдемъ лучше играть на фортепьянахъ.

— Не хочется.

— Паша, душенька, если ты меня сколько-нибудь любишь, не откажи... Пойдемъ играть. Въ три года не дождешься такой оказіи. Орлей въ городъ; Мануйку я послалъ на охоту, въ Черный лѣсъ, на Глухой фольварокъ, да такъ ловко, что Култуса узналъ про путешествіе Мануйки, переполонился. А я велѣлъ твои и мои сани заложить, посадилъ на нихъ по гусару, въ моихъ шубахъ; проскакали въ городъ передъ носомъ Култуса. Я, какъ видишь, деньщикомъ нарядился, чтобы удобнѣе присматривать за нимъ. Попался дурень на удочку. Вотъ сію

минуту отправился за Мануйкой на Глухой фольварокъ; а мы, братъ, на покой можемъ заняться музыкой.

— Задастъ онъ тебѣ музыку, какъ узнаеть.

— Куда ему, скрягѣ! мякиной дворюкю кормить. Вѣришь ли; теперь на дворѣ остались всего три бабы и четыре батрака, съ кучеромъ включительно. На завтракъ онъ имъ даетъ, на всѣхъ, одну черную рѣдну и семь соленыхъ огурцовъ. Такъ на вѣрность такой прислуги отложи попеченіе. А отъ меня всѣ они получаютъ пенсію по рублю серебромъ въ мѣсяцъ, да иногда ведро пива. Дешевая интрига! А Маріанна, надо тебѣ правду сказать, славная бабенка! Я приволокнулся за ней такъ, отъ нечего дѣлать, ради одной удали. А теперь?... не подумай, однако, что влюбленъ... тфу, къ чорту! Point du tout... какъ говоритъ нашъ ротмистръ; такихъ глупостей у меня и въ заводѣ нѣтъ... а, признаюсь, люблю поболтать съ нею. Премилая вострушка! Ну, а ты самъ знаешь, на глазахъ у Култуса, какая бесѣда: урывкой гдѣ-нибудь за угломъ сорвешь поцѣлуй, мимоходомъ en passant — вотъ и все наше... Пашенька, душенька, ты развѣ не гусаръ, что ли? не хочешь пособить товарищу?

— Ты такъ искусно распорядился, что даже я, кажется, тамъ буду лишній.

— Не умничай, Паша! Пойдемъ и баста! Я про то знаю, лишній ты или нѣтъ. Вѣдь чего я у тебя прошу? поиграй часокъ на фортоплясахъ. Ты и самъ маленько разсѣвешься. А то просто огорошилъ насъ вчера такъ, что всѣмъ намъ стало страшно.

— Позволь хоть стаканчикъ чаю проглотить.

— Идетъ! все-равно! можно! Ты только явись! Смотри же, приходи, а я отправлюсь впередъ... Пугачевъ! если кто изъ ошперовъ заглянетъ, говори: въ городъ уѣхали. Слышишь?

— Слушаю-съ!

Во олигелѣ, видно, догадались, что Култусъ уѣхалъ не по доброй волѣ. Зося, даромъ что одиннадцати лѣтъ, принарядилась по праздничному; а Маріанна, вся въ огнѣ, несмотря на дородство, бѣгала изъ угла въ уголь, прибирала комнаты, обметала пыль и, снявъ съ полки затѣйливую кофейную машинку, которую самъ Култусъ употреблялъ только въ случаяхъ пріѣзда президента, спросила съ улыбкой:

— А что, панна Зося, не сварить ли намъ кофе? Кстати печка топится.

- Сваримъ, няня, право, сваримъ!
- На двѣ филижанки (чашки)?
- Зачѣмъ же на двѣ? Можетъ быть, кто изъ гостей зайдетъ.
- Это панна Зося на мой счетъ гуляетъ. Что жь? Дѣло женское. Онъ мнѣ нравится. Съ вами я откровенна: вы добрыя. Несчастія моего не захотите. Придетъ и ваша пора, Зося!
- Какое же тутъ несчастіе, Маріанна?
- А такое несчастіе, что если панъ Култусъ узнаетъ, такъ меня на Глухой фольварогъ запрячетъ, да и васъ въ шкапъ запретъ... свѣта Божьяго не увидите....
- Что ты, Маріанна! панъ Култусъ тебя ласкаетъ, любитъ.
- Любить! хороша любовь! любить какъ нарядный *лунтиш*, пока не обносился. И что я? служанка, дрянъ. Меня панъ Култусъ живую можетъ зажарить. Мнѣ все равно: жизнь стала не мила. Пока молода, онъ и кофе пьетъ вмѣстѣ со мною и за столъ съ собою сажаетъ, а состарюсь, сгонитъ со двора или выдастъ за паршиваго сторожа.... и пивнуть не смѣй! Вѣдь я все знаю. Ахъ, Зося! кофе кипить.... подайте ложку....
- Зося въ однѣ двери, а Ступачевъ въ другія.
- Маріанна, что ты это?
- Варю кофе для дорогихъ гостей.
- Култуса я услалъ далеко.
- Да Зося отъ насъ не отойдетъ.
- Мы пристроимъ ее! Брось кофе! не надо!
- Ахъ! вскричала Зося, вбѣгая, будто бы перепугалась.
- Ахъ! вскрикнула Маріанна и, будто нечаянно, опрокинула кофейникъ, прямо въ печку. — Вотъ тебѣ и сварила!
- Боже мой — сказала опечаленная Зося — чѣмъ же мы будемъ подчивать гостя?
- Сегодня моя очередь: не хотите ли отвѣдать варшавскихъ конфетовъ?
- Ахъ какая хорошенькая коробочка! Вотъ, няня, будетъ чудесная шкатулочка для моихъ сережекъ и булавогъ.
- Нѣтъ, панна Зося! конфеты извольте скушать на здоровье, а коробочку отдайте. Пусть панъ Игнацы свѣжихъ принесетъ. Дома держать коробочки нельзя: панъ Култусъ чуть не каждый день ревизуетъ весь домъ и всѣ наши вещи.
- И что жь?
- Послѣ каждой ревизіи начинается насъ хвалить, ласкать, доволенъ.

Всѣ засмѣялись.

— А вотъ и вашъ органистъ *палендруетъ* къ фортепянамъ. Вы слышали, Зося, какъ онъ играетъ на панталонѣ?

— Да какъ же намъ слышать — подхватила Маріанна — у насъ даже ставни съ той стороны заперты, гдѣ онъ проходить. Мы только сегодня такъ вольничаемъ.

— Да вѣдь тутъ есть, кажется, съ большимъ домомъ сообщеніе?

— Лѣтомъ. За дверьми цѣлыхъ три комнаты — не знаю, почему охотничьими называются — тамъ никого не живетъ. Во время резиденціи отворяють, когда кто изъ гостей ночуетъ, а теперь на ключъ заперты....

— А ключъ гдѣ?

— Вотъ подъ этой половицей. Я нечаянно наткнулась на секретъ.

— И чудесно! Хотите, Зося, послушагъ, какъ мой органистъ играетъ?

— Какъ можно, жеманясь, сказала Зося.

— Отчего же нельзя — перебила Маріанна — вѣдь онъ пану Култусу не скажетъ.

— Еще бы! это мой другъ и благороднѣйшій человѣкъ. Онъ все знаетъ; ему извѣстно, какъ Култусъ васъ держитъ, точно кормовыхъ индѣекъ, въ тѣсныхъ комнатахъ, какъ онъ не пускаетъ васъ гулять даже по деревнѣ.... все знаетъ, и сколько разъ онъ говорилъ: „Бѣдная Зося! такая прекрасная барышня — и должна остаться рѣшительно безъ всякой цивилизаци, какъ простая хлопка. Дочери бѣднѣйшаго шляхтича, у котораго всего состоянія полъ-корчмы и два *наломка* (работника), и тѣ бранчатъ на фортепянахъ; а она даже и не слышала, какъ на нихъ играютъ!...“

— И все это онъ говорилъ?

— И не одинъ разъ!

— Ахъ я несчастная!

Зося заплакала....

— Чего плакать! Пойдемъ лучше послушаемъ.... Вотъ молодецъ-Маріанна ужъ и половицу подняла и ключъ отыскала!... Пойдемъ!

— Мнѣ стыдно. Я боюсь.

— Правду говорить мой другъ.

— А что онъ говорить?

— Эта Зося — говорить онъ — должна быть совсѣмъ дикая, какъ куропатка.

— Какъ онъ смѣетъ говорить это? Вѣдь онъ меня не видѣлъ.

— Разумѣется: еслибъ видѣлъ, то не говорилъ бы такихъ пустяковъ.... Вотъ и двери отперты.... Пойдемъ!...

— Право, не знаю!

— Да полно быть деревенщиною! сказалъ Ступачевъ, легонько обнявъ станъ Зоси, что ей очень понравилось.

— Буду васъ слушаться: вы такой добрый.

И пошли, и вошли въ залу. Маріанна поотстала и смотрѣла черезъ дверь, чѣмъ все кончится.

Ступачевъ съ Зосей остановились позади Иванова, такъ что онъ ихъ не видѣлъ и, какъ нарочно, съ необыкновеннымъ чувствомъ и одушевленіемъ фантазировалъ на польскія темы. Зося обратилась въ слухъ. Такъ впечатлѣнія музыки были для нея новы и увлекательны!

— Ну, мастеръ ты, Папа! сказалъ Ступачевъ, когда Ивановъ остановился на одномъ изъ частныхъ финаловъ. — Мы заслушались тебя!

— Ахъ извините, сказалъ Ивановъ, увидавъ Зосю.

Зося не могла ничего отвѣчать. Она смотрѣла на него съ дѣтскимъ любопытствомъ, какъ на чародѣя.

— Ничего, ничего — сказалъ Ступачевъ — не церемонься, мой другъ! Бѣдная Зося не хотѣла идти тебя слушать. Говорить, разсердится, перестанетъ играть. Вотъ видите, милая Зося, что панъ Култусъ говоритъ неправду: гусары не звѣри! Мы только однимъ добромъ живемъ; мы на томъ только и стоимъ, чтобы другихъ утѣшать, другимъ доставлять удовольствіе. Вотъ мой Папа готовъ цѣлый день играть, если замѣтитъ, что это вамъ приятно. Садитесь сюда, Зося, вотъ такъ! Папа, душа моя! неужели ты откажешь Зосѣ.... бѣдной твоей Зосѣ.... насладиться музыкой досыта? Такіе случаи черезчуръ рѣдки. Посмотри: ты еще не играешь, а она уже слушаетъ. Папа! играй же что-нибудь!... Время дорого!

Ивановъ улыбнулся. Діалектика Ступачева подѣйствовала. Раздался могучій акордъ, посыпались пассажи одинъ другаго мудренѣе.

— Дайте ему наиграться — шепнулъ Ступачевъ науху Зосѣ — а потомъ попросите спѣть. Соловей, просто соловей!

.

Ступачевъ исчезъ. Разсчетъ его, какъ и всѣ его дипломатическія комбинаціи, оказался вѣрнымъ. Зося такъ мило слушала, такъ наивно глядѣла на чародѣя, что тотъ и самъ обрадовался такой пріятной и хорошенькой слушательницѣ, игралъ долго, добрый часъ, безъ устали, и не кончилъ бы самъ собой, если бы не залаяли собаки.... Какъ только раздалась музыка дворовыхъ псовъ; Ступачевъ вбѣжалъ въ залу, Зося выбѣжала; ключи, одинъ за другимъ, щелкнули....

— Ну спасибо, Папа! сказалъ Ступачевъ, обнимая Иванову. — Вѣкъ не забуду. Теперь пойдемъ обѣдать.... Туда, къ чорту! прибавилъ онъ съ досадой, выходя изъ барскаго дома на красивый дзѣзинецъ, т. е. попросту на дворъ. — Не могъ Орлей дожидаться насъ съ обѣдомъ! Сюда нелегкая принесла! собакъ поднялъ.... Что онъ, тоже музыкантъ, что ли?

— Здравствуй, Папа! воскликнулъ Орлей, шагая на встрѣчу офицерамъ съ какою-то торжественностію и необычною веселостію.

— Значить, ты здоровъ и опасенія наши къ чорту! Ура! полдюжины шампанскаго поставлю! У меня праздникъ сегодня!

„Вреть, шельма! подумалъ Ступачевъ. — Не такой ли праздникъ, какъ и у меня! И я собирался дернуть шампанскаго.“

— Я ѣздилъ, Папа, сегодня въ городъ по твоему дѣлу, но ничего не узналъ. Пани Матильда въ отчаяніи. Они тебя любить какъ сына, не могутъ понять нелѣпой невѣжливости Дзвигача. Мы торговали съ пани Матильдой долго....

„Такъ и есть! подумалъ Ступачевъ. — „Вонъ оно гдѣ шампанское! Молодецъ Игнатій Семенычъ: не пророкъ, а отгадчикъ....“

— Панъ-президентъ поѣхалъ на охоту на Глухой фольваровъ.

Ступачевъ раскохотался.

— Чему ты обрадовался?

— Великолѣпное трио! панъ-президентъ, Мануйко и Култусъ! И я ставлю полдюжины шампанскаго...

— Да ты съ чего?

— А вы, ротмистръ, съ чего?

— Да я за Пашу.

— И я по той же причинѣ!

— Вѣчно у тебя неумѣстные шутки. Пани Матильда, ты знаешь, Папа, со мной откровенна....

— Какъ не знать!

— Ступачевъ! сдѣлай милость, не перебивай! Вѣдь я не съ тобой говорю....

— Сердится, значитъ правда!

— Пани Матильда боится, чтобы дерзость Дзвигача не повела къ серьезной раздѣлкѣ.

— Ужь не къ дуэли ли? спросилъ Ивановъ, остановясь у самой квартиры Орлея. — Если бы даже весь полкъ этого потребовалъ, я скорѣе выйду въ отставку, но такой глупости не сдѣлаю. Въ поступкѣ Дзвигача я не нахожу ничего необыкновеннаго. Вѣтеръ свищетъ въ пустой головѣ этого фанатика. Онъ знаетъ мои мысли; ему досадно, что Аврелія, сестра его сумасбродной жены, вѣритъ не ему, а мнѣ. Мудрено ли, что Дзвигачъ ненавидитъ меня и не можетъ даже скрывать своей ненависти, а Петронилла подливаетъ въ огонь масло. За что же сердиться? Если онъ далъ мнѣ почувствовать, что не желаетъ имѣть меня въ числѣ своихъ знакомыхъ, на то его добрая воля. Напротивъ, именно за такую искренность я его уважаю, и мнѣ досадно, что полкъ принялъ мою обиду къ сердцу, тогда какъ я самъ не считаю себя нисколько обиженнымъ.... Изъ-за меня вы всѣ цѣлый вечеръ проскучили....

— За то многимъ—перебилъ Ступачевъ—эта исторія доставила восхитительныя послѣдствія....

— Игнацій Семеновичъ—мрачно сказалъ Орлей—позвольте узнать, на чей счетъ вы это говорить изволите?

— На свой собственный! Папа знаетъ.

— Тото-же!... Потому что я не позволю....

— Да съ чего вы сердитесь, ротмистръ? Ступачевъ—не во гнѣвъ ему будь сказано—всегда любить врать, а сегодня, послѣ музыкальнаго урока, онъ сталъ особенно словоохотливъ. Онъ покрайней мѣрѣ откровененъ.... Вы меня знаете. Я плохой гусарь и гляжу съ неудовольствіемъ на всѣ любовныя интрижки, какъ смягчительно любятъ ихъ называть аматеры и зрѣлыхъ дурачествъ и дѣтскихъ шалостей. Неблагородно вносить въ семейства раздоръ, ссорить мужа съ женой, отца съ дочерью. Гусарскій артикулъ едва-ли пригоденъ для нынѣшней цивилизаціи....

— Вотъ куда поѣхалъ! сказалъ Ступачевъ уже въ квартирѣ Орлея, наливая себѣ рюмку водки.

— Разврать, господа, тамъ какъ хотите, а всегда раз-

братъ, продолжалъ Ивановъ. — Не говорю уже о томъ, что это не по-христіански....

— Поднять еще ногой выше!

— Это и не по-человѣчески... Забавнѣе всего, что, посягая на честь, нарушая самыя святыя права семейственныя, мы въ то же время хлопочемъ и кричимъ о свободѣ. Самая свобода-то что же, если не сумма и моихъ и чужихъ правъ, огражденная ненарушимымъ закономъ? А мы считаемъ игрушкой, забавой святѣйшее право: честь женщины, потому только, что это право защищаетъ одна совѣсть сластолюбца.

— Ты бы, братъ Паша, книжку написалъ....

— То-то и бѣда, что нынче и въ книжкахъ нерѣдко встрѣчается тотъ же развратъ. Кстати, я помню, что какъ-то разъ въ Петербургѣ мы возвращались съ одного обѣда вмѣстѣ съ литераторомъ, который, за столомъ, громко ораторствовалъ противъ злоупотребленій администраціи. Возвращались мы въ сумерки.... Дама шла по тротуару. Откуда ни возьмись пьяный, пристаётъ къ ней, хочетъ обнять ее. Мой литераторъ раскричался, обругалъ полицію, всю администрацію, выручилъ съ моею помощію барыню, и затѣмъ всю дорогу мой ораторъ ругался.... На другой день захожу къ нему по дѣлу—и что же? застаю съ женой его друга и товарища. Мерзавецъ! И дверей не заперъ!... Свобода и вольность—большая разница....

— Резонъ! перебилъ Ступачевъ, садясь къ столу.—Ромъ и водка, кажется, одно и то же, а куда какая разница!

Ивановъ улыбнулся.

— Горбатаго могила исправить, сказалъ онъ, тоже садясь къ столу.

— А тебя панна Аврелія...

— Хотя бы ты, голубчикъ, своими нечистыми губками такихъ святыкъ именъ не трогалъ.

— Что, задѣлъ-таки за живое?

— Молодь, Ступачевъ! Я не по твоему. Я тысячу разъ передумалъ, пока рѣшился вымолвить самому себѣ, что я люблю панну Аврелію.

— Наконецъ выналилъ-таки изъ пушки! Имѣемъ честь поздравить съ именинницей!

Орлей во все время разговора сидѣлъ въ задумчивости. Ивановъ имѣлъ большое вліяніе на умъ и сердце Орлея. Слушательная рѣчь, обращенная въ назиданіе неисправимому Ступа-

чеву, попала, хоть и поздно, въ рану ротмистра. Ему было крайне неловко. Онъ не зналъ что говорить, но послѣднія слова Иванова его выручили и разбудили.

— Шампанскаго! закричалъ Орлей.—Паша наконецъ признался! Бутылку хвачу за здоровье панны Аврели!

— Стоить, шельма, стоить: просто царица вавилонокая, вотъ какую я видѣлъ въ Питерѣ, на театрѣ....

— Чучело ты, чучело! сказалъ Орлей.—Ну самъ подумай, какія у тебя холопскія нѣжности!

— Виновать, обмолвился небережно, въ азартѣ, а все потому, что у насъ сегодня большія радости...

— Не слушай его, Паша! Болтунь, доболтается когда-нибудь до исторіи. Ну, Паша, и ты съ нами сегодня выпьешь....

— Выпью! Бокаль, другой выпью.

И выпили порядочно, но умѣренно, въ великой досадѣ Ступачева. Неугомонный ушелъ домой. Какъ нарочно, въ это самое время Култгусъ возвращался въ саняхъ изъ экспедиціи на Глухой фольварокъ. Увидя его, Ступачевъ гомерически расхохотался, потомъ грозно крикнулъ на кучера: „стой!“ Кучеръ уже привыкъ слушаться его приказаній и удержалъ лошадей.

— Что ты, дурень! ступай! толкая кучера въ шею, ворчалъ Култгусъ.

Напрасно! Ступачевъ уже сидѣлъ на облучивѣ.

— Вотъ кетати, такъ кетати! Фу! какъ я радъ, что поймалъ тебя, дорогой кумъ....

— Какой кумъ! что это вы сочиняете? Мы съ вами никого не крестили.

— Врешь! Поворачивай оглобли! Не могу, чтобы дорогаго кума шампанамъ не поподчивать....

— Да я не пью.... Къ чему вы тутъ кума приидели?

— Врешь, дружокъ! Тянешь *огнирассна до падушки*...!

— Кто сказалъ?

— Я говорю, Все всенда и эконома на одну статью! Вставай! все-равно не отдѣлаешься!

И царь-царякъ Култгуса за шубу, вытянулъ изъ саней, потащилъ за собой и сдержалъ слово: на слани уподчивалъ, такъ, что два гусара еле-еле отвели новопожалованнаго кума къ оградѣ и сдали на руки сторожамъ.

IX.

— Какъ я радъ, что Ступачевъ отчалилъ, сказалъ Орлей, умахиваясь на походный диванъ, сколоченный изъ досокъ и покрытый ковромъ.

— Добрый малый! Воспитаніе изуродовало....

— Эхъ, Паша! воспитаніе то же счастье. Хорошо, что у тебя родители и образованные и достаточные. А вотъ мой покойникъ! Въ двѣнадцатомъ году пришелъ съ Карпатскихъ горъ волонтеромъ въ арміи нашей служить. Дворянинъ, изъ венгерскихъ карпатороссовъ, а годъ какъ соколъ. „Куда хочешь?“ — „Гдѣ поопаснѣе.“ — „Въ безсмертные гусары желаешь?“ — „Изволь!“ И пошелъ рубить. Въ три года до ротмистра дорубился; собой молодецъ; на стоянкѣ въ Малороссіи полюбилъ и заставилъ себя полюбить пригожую дочь богатаго помѣщика; приказалъ за себя замужъ выдать. Просто приказалъ. Родители было не хотѣли. „Деревию сожгу, всѣхъ перебую. Пусть судятъ, пусть сошлютъ въ Сибирь! Эка штука! И тамъ люди привольно живутъ.“ Велѣлъ гусарамъ карабины пулями зарядить, послалъ за покомъ и обвинчался.... Самъ неученый, даже малограмотный, но ума бойкаго. Мамаша была предобрѣйшая, да тоже училась на мѣдныхъ деньги, а сыночекъ, твой покорный слуга, и гимназіи не кончилъ. „Ну ихъ къ чорту—говорить—гусаромъ быть въ школѣ не выучишься; ступай служить!“ Вотъ тебѣ и воспитаніе! Самъ теперь разсуди, чѣмъ тутъ я виноватъ. Передъ смертію покойникъ-отецъ писалъ: „Миша, женись!“ А какъ я женюсь? Состояніе хорошее, слова нѣтъ; лѣта самыя такія для мирнаго супружескаго счастья; сорока еще нѣтъ. Да жениться-то какъ? На глудой, неотесаной не хочу, а на такой, какъ Аврелія, совѣстно! Что я буду передъ нею? Чурбанъ, круглый невѣжда! По-французски пополамъ съ грѣхомъ болтаю: у модистки выучился. Право-слово, у модистки! Нарочно интрижку завелъ. Неавантажная была, съ горбикомъ, да бойко на своемъ языкѣ болтала. Я къ ней на хлѣбы и на акордъ пошелъ: хочешь, говорю, амуры вести, такъ учи меня по-французски. Изъ кожи лѣзла—знатно учила. Кончилъ курсъ—и отдался. Тутъ кстати и полкъ перемѣнилъ квартиры.... А ученые смѣются надъ нами.... Грѣхъ имъ, истинно грѣхъ. И тебѣ грѣхъ, Паша! Я знаю, что ты меня именно за это и не любишь.

— Нѣтъ, ротмистръ, я васъ люблю и уважаю какъ старшаго роднаго брата.

— Будто?

— Я никогда не лгу.

— Лапку, лапку, Папа! Поцѣлуй меня, моя умница, мой красавецъ! О какъ бы я хотѣлъ поскорѣ тебя видѣть кругомъ счастливымъ! Не тяни, Папа, въ долгій ящикъ.... Пани Матильда за тебя. Отецъ.... да что про него спрашивать, когда пани Матильда на нашей сторонѣ!... Аврелія видимо тебя, и только одного тебя, любить....

— Я самъ такъ думаю, хотя и не увѣренъ....

— Вздоръ! безъ памяти любить! Пани Матильда, ты не думай, на этотъ счетъ прегордая, а обвинякомъ про этотъ сюжетъ признавалась. Ну рѣшительно все на порядкахъ. Отчего бы, кажется, не приступить къ сватовству?

— Есть препятствіе....

— Отецъ, что ли, не согласенъ? Воля отца....

— Не то, что воля, а мысль отца....

— Не понимаю....

— Я и самъ насилу понялъ. Вчера цѣлый день, всю ночь.... читалъ, читалъ, насилу дочитался.... Не хотите ли прислушать?...

— Давай, давай его сюда поскорѣ. Постой, дай набью трубку. Когда куришь, лучше думается....

..... „Письмо твое, любезный другъ Павелъ, я получилъ уже съ недѣлю тому назадъ, но чему училъ тебя, то и самъ соблюдаю: не спиши и пустяками. Иногда отъ прыщика ракъ рождается. Думалъ я всю недѣлю и, кажется, могу отвѣчать на письмо твое довольно обстоятельно. Тебѣ двадцать-шесть лѣтъ исполнилось. Ты уже штабсъ-ротмистръ; ты надъ сердцемъ и надъ всѣми обстоятельствами жизни полный хозяинъ. Благодарю тебя сердечно за дружбу, а что ты просишь моего позволенія жениться, про случай, если при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи невѣста тебѣ окончательно понравится, то не могу иначе принять этого, какъ за пріятную для меня и похвальную для тебя вѣжливость, и на этотъ пунктъ не могу отвѣчать иначе, какъ: „извольте, Павелъ Михайловичъ, жениться, если намѣреніе ваше, по зрѣломъ разсужденіи, положительно утверждаете“. Съ моей стороны я могу и долженъ, при этомъ удобномъ случаѣ, сообщить только косвенно нѣкоторые замѣчанія;

приобрѣтенныя долготѣннымъ опытомъ и наблюдательностію, которыя всегда были моимъ любимымъ занятіемъ. Во множествѣ встрѣченныхъ мною на пути жизни супружествъ, немало попададось мнѣ и полекъ, и меня всегда приводила въ затрудненіе двойственность ихъ характера.

„Мы съ тобою много учились и доучились до того, что перестали вѣрить въ національность, какъ химеру, отвергаемую философіей и здравымъ, по методу Декарта, очищеннымъ разсудкомъ. Протестантовъ въ политикѣ еще немного, но уже есть, и мало по малу начинаютъ строить ту божественную націю, гдѣ владыко — Христосъ, а подданные — человѣчество. Мы съ тобою давно пришли къ тому заключенію, что русскій нагольный тулупъ не потому хорошъ, что онъ русскій, а потому, что пригоденъ подъ тѣмъ небомъ и подъ тою погодой, гдѣ человѣкъ ходитъ. И французъ въ Вологдѣ онъ такъ же къ лицу и къ дѣлу, какъ русскому въ Неаполѣ воздушный хитонъ лаццарони. Изъ этого мы вывели послѣдовательное разсужденіе, что національность есть наружная обстановка одного и того же человѣка, поставленнаго подъ равныя мѣстныя условія, а его нравственная сила никакой націи отдѣльно не принадлежитъ, а любить, чувствовать наружное то же, что творить себѣ кумиры и въ существѣ пребывать въ политическомъ идолопоклонствѣ. Я понимаю русскія щи, польскій бигосъ, итальянскія макароны, но никакъ не пойму: русская честность, польская честность, итальянская честность. Если между ними есть разница, требующая эпитета, то двѣ изъ нихъ непремѣнно, а можетъ быть и всѣ три, уже не честность; а честность, ты самъ знаешь, есть сумма правъ и обязанностей въ сознательномъ исполненіи ихъ на самомъ дѣлѣ. Путь совершенствованія именно въ томъ и заключается, чтобы съ нравственныхъ домашнихъ началъ, нажитыхъ воспитаніемъ, счищать эти національныя клички и добратся до честности безъ эпитетовъ. Но пока, несмотря на слово Христово, несмотря на ученія Декарта и Канта, предрассудокъ національности еще слишкомъ силенъ, чтобы не сказать всемогущъ, по малочисленности политическихъ пуританъ. Отчего же, спросишь, такая яркая истина и такъ мало послѣдователей? Оттого, что ребяческій и даже отроческій возрастъ нашъ на рукахъ у матери, а ей некогда углубляться въ такія важныя матеріи; весь досугъ ея поглощается механическимъ повтореніемъ завѣтовъ

предковъ, которые, какъ бородавки, застарѣли и сами собою отвалиться не могутъ, а срѣзать ихъ до живаго, здороваго мяса некому.“

— Пстой, Паша, погоди! Просто усталъ. Въ потъ бросило. Мудреная штука твой отецъ.... Позволь набить трубочку. Ну-ка, что-то Богъ пошлетъ! Добирается до полекъ: любопытно. Валяй!...

„Одинъ шутовской философъ доказывалъ, что всѣ войны подымали женщины. Тутъ есть капля правды, потому что именно женщины съ утра жизни воспитываютъ чувство ненависти и презрѣнія ко всему чужому и безсознательную до уродливости, пристрастную привязанность ко всему своему. На это никто какъ польки, и онѣ, по философской своей наивности, даже гордятся, хвастаютъ такимъ политическимъ абсурдомъ. Имъ и въ голову не приходитъ, что онѣ богохульствуютъ, говорятъ и творятъ явно наперекоръ той самой религіи, которую по названію исповѣдуютъ. Въ этомъ отношеніи опять лучше всѣхъ другихъ—полька! Одна изъ нихъ, въ разговорѣ со мною, дошла до такой запальчивости и фанатическаго самозабвенія, что увѣряла, будто притчу о самаритянкѣ нарочно коммунисты сочинили. Выйдетъ замужъ за русскаго нѣмка или англичанка за нѣмца, въ короткое время первая становится русскою, вторая нѣмкой; полька же до могилы остается полькою.... Ростутъ дѣти у польки, какой бы націи ни были, но она успѣетъ вдохнуть въ нихъ свою фанатическую гордость, свой польскій патріотизмъ, свое презрѣніе къ націи мужа. Въ чужомъ домѣ, подъ чужимъ небомъ, у нея польскій порядокъ, польскій столъ, польскіе гости, и часто слышится въ русскомъ домѣ исключительно польскій языкъ.... Нашему брату, не признающему невѣжественнаго принципа національности, братски любящему весь міръ, жена-полька можетъ быть источникомъ нравственнаго стѣсненія и опасности для нашихъ дѣтей. Вспомни, Павелъ, что у тебя не было гувернера: такъ боялся я, чтобы къ тебѣ не прилипли не только недостатки, но и добродѣтели какой бы то ни было одной націи. Мы поставили себѣ началомъ началъ, что любить отечество не значитъ любить всѣ его недостатки, уродливости, пороки; мы согласились съ тобою, что надо ненавидѣть все то, что у насъ и у кого бы то ни было дурно, истреблять дурное прежде всего въ себѣ, вокругъ себя, въ собственной своей атмосферѣ—другихъ

не трогай, берегись неволить чужія убѣжденія, своего мнѣнія не прячь, но и другимъ его не навязывай. Дѣйствуй и побѣждай только однимъ примѣромъ. Помни одно, что ты всѣмъ, рѣшительно всѣмъ, безъ малѣйшаго исключенія, родной братъ. Ну, теперь самъ подумай: можетъ ли полька принять и строго исполнять нашъ домашній катихизисъ? Она вся вылита изъ фанатизма и предрасудка; а это два первые, и едва-ли не единственные, враги и твои и мои. Опытномъ дознано, что вражда между родными всегда сильнѣе, свирѣпѣе, чѣмъ между посторонними; а тутъ еще два такіе неугомонные поддувала! Мы съ тобою, разумѣется, какъ на ладони видимъ, что всѣ эти національныя глупости миражъ больныхъ глазъ, но поди переувѣрь въ томъ одержимаго бѣшенствомъ фанатизма, да еще женщину; а безъ этого условія какая она будетъ жена? Знаешь ли, Павелъ, если бы между польками родилась только одна женщина, которая, нещутя, поняла бы насъ съ тобою, съ той самой минуты послѣдовалъ бы нравственный переворотъ и начался бы періодъ братскаго сближенія. Но такое явленіе, при настоящемъ рѣшительномъ упадкѣ серьезной философіи въ Европѣ, представляется едва-ли возможнымъ, и вотъ почему я, по дружбѣ къ тебѣ, нѣсколько опасуюсь....

„Народная молва утверждаетъ, будто польки любятъ кокетничать, не уважаютъ супружеской вѣрности, легкомысленны, расточительны, увлекаются страстію къ нарядамъ, честолюбивы въ связяхъ, властолюбивы дома. Это все пустяки! Въ этихъ недостаткахъ, если они есть, виноваты мужья, литература и наше время. Замѣть, что у нихъ и сама философія щеголяетъ тѣми же страстишками. Ты, я думаю, уже познакомился съ краковскимъ философомъ Крамеромъ. Въ принципахъ замѣчательный философъ нашего времени, въ толкованіяхъ отчаянный полякъ и католикъ.... Что ты станешь дѣлать! Но чужія глупости намъ не указъ; чужіе и очевидно нелѣпыя принципы для насъ необязательны. Знать, не пришло еще время для всѣхъ понять несостоятельность идеи національностей; это пока общая, европейская лихорадка. Не можетъ того не быть, чтобъ идея всецѣльнаго человѣчества не проросла сквозь почву, залитую предрасудкомъ, корыстію, временными уродливостями человѣчества. Отъ крошечнаго орѣшка вырастаетъ кедръ ливанскій. Религія, не та, что велитъ ненавидѣть, а та, что велитъ любить, для такого растенія лучшая теплица. Конечно, можетъ

быть, мы съ тобой благодатныхъ всходовъ не увидимъ, но мы, душа моя, сами для себя завоевали это благо. Какъ бы его у тебя не украли... Все это, другъ мой, только предостереженія, ровно безъ всякихъ обязательныхъ указаній. Ты, однородный, драгоценнѣйшій всѣхъ земныхъ блажд моихъ клейнодъ, прозелить чистой идеи любви къ человечеству, ты не можешь любить безумно. А что если въ самомъ дѣлѣ избранница твоего сердца, на переборъ моимъ трусливымъ соображеніямъ, именно та самая полька, о которой я мечтаю? Твое дѣло разсудить, рѣшить, а я благословляю!..“

— Все? спросилъ Орлей, когда Ивановъ кончилъ.—Все?... Гораздъ баринъ и писать и думать! Вотъ это что называется отецъ, настоящій отецъ! На русскаго отца не похожъ.

— Отчего же?

— Какіе у насъ отцы! Вотчимы, братецъ, вотчимы, да еще плохіе. Только думаютъ, какъ бы сынокъ схватилъ чинишко, выгодное мѣстечко подтибрилъ, чтобы за женой взялъ состояніе или протекцію. Сами подлости учать. А какова у сынка моральная утроба, до этого имъ нѣтъ дѣла. Вотъ твой отецъ, такъ отецъ. Послѣ этого и дивиться нечего, каковъ у него Паша вышелъ! А все-таки дѣло дряннѣе! Ты, послѣ этого письма, пожалуй, и жениться раздумаешь.

Ивановъ молчалъ. Лицо его было совершенно покойно, все же; онъ съ улыбкой глядѣлъ на озабоченнаго Орлея.

— Паша! Вѣдь, значить, ты меня считаешь чѣмъ-то въ родѣ друга. Такъ ты, сдѣлай милость, скажи напрямки: на что ты рѣшился? Мнѣ это знать необходимо.

— А вамъ на что?

Орлей покраснѣлъ.

— Не подружески, Михаилъ Ивановичъ!

— Не могу, Паша, видитъ Богъ, не могу! Въ этомъ секретѣ я не одинъ. Будь я самъ по себѣ, такъ всю душу на столъ бы и выложилъ. Не могу!

— Я и не добиваюсь. Но позвольте и мнѣ подумать.

— Зачѣмъ же ты мнѣ прочелъ это письмо?

— Хотѣлъ знать ваше мнѣніе.

— Мое мнѣніе? мое мнѣніе? Взялъ, да и женился! Вотъ тебѣ и мнѣніе! Вѣдь онъ, мудрецъ, не видѣлъ Авреліи.

— И я то же думаю. Мнѣ кажется, что Аврелія какъ разъ подходитъ подъ идею старика и доставила бы ему на старости

истинное утѣшеніе: онъ увидѣлъ бы въ ней ту возжелѣнную цѣль, съ которой должно начаться наше братское сближеніе.

— Отецъ твой хитеръ, ну, да и ты, Паша, не промахъ. Такъ, значитъ, мы женимся?

— Я сказалъ, что мнѣ такъ кажется. Я слишкомъ увлеченъ Авреліей: боюсь ошибиться.

— Ну, не будь я Орлей, если это не та самая цѣль.

— Весьма можетъ быть. Какой-нибудь мѣсяць, и я найду случай убѣдиться.

— Зарѣзалъ, просто зарѣзалъ! Ну, задалъ же ты мнѣ антрактъ!

— Какой антрактъ?

— Эхъ, не то я хотѣлъ сказать!... да ты себѣ не женись! Къ тому же и постъ на носу. Ты только объяснись, а не хочешь, я за тебя.

— Нѣтъ, прошу васъ, не мѣшайте въ это дѣло. Умоляю васъ: ни слова пани Матильдѣ! Иначе, я рѣшительно не женюсь, потому что вы помѣшаете вашей неосторожностію моему плану.

— Слушаюсь; только, ради Бога, поскорѣе.... Мѣсяць! проклятый аккордъ! Просто я умру съ тоски....

X.

Наступилъ карнавалъ: пошелъ сплошной разгулъ, завтраки съ танцами, обѣды съ танцами, вечера съ танцами, театры, маскарады. Гусары всѣ девять дней до полуночи вторника на первой недѣлѣ поста прожили въ городѣ; домой и не заглядывали. Много было перекинуто красныхъ словъ, конфетныхъ комплиментовъ, страстныхъ намековъ. Въ эти дни обыкновенно улаживаются свадьбы, завязываются любовныя связи. Про послѣднія не знаю, но свадьбы не вышло ни одной: гусары волочили напропалую, однако невѣсты никто себѣ не выбралъ. Отношенія оставались прежнія. Орлей, какъ верста, торчалъ при пани Матильдѣ, Мануйко при пани Петрониллѣ....

— Вотъ и карнавалъ кончился, сказала она, сидя съ Мануйкой въ послѣдней мазуркѣ сезона.

— Я не могу объ этомъ подумать безъ ужаса.

— Что же вы будете дѣлать?

— Питаться воспоминаніями, мечтать о будущемъ, хотя въ

этомъ будущемъ только пустыя орѣхи. Пани Петронилла, неужели вы и сегодня, на прощаньи, не скажете мнѣ ни одного утѣшительнаго слова?

— Мало съ васъ! Я васъ люблю; я васъ не отвергаю; я говорю съ вами, какъ съ другомъ; я одного васъ изъ всего вашего полка принимаю въ моемъ домѣ. Мужъ не доволенъ; но я на это не смотрю. Чего же вамъ еще?

— Вы просто смѣтаетесь надо мною! Развѣ это любовь?

— А то что же?

— Это *грандъ-пасьянсъ*, и больше ничего! Я стою на запяткахъ вашего сердца.

— А вамъ хотѣлось бы раскинуться тамъ на покой, выгнать отсюда всѣхъ, безъ жертвъ, безъ потерь завоевать, взять въ плѣнъ бѣдное слабое созданіе? Нѣтъ, и мы умѣемъ защищаться.

— Значить, вы меня не любите ни на волосъ?

— А мнѣ кажется наоборотъ. Ваша любовь — гусарскій *passé-temps*.

— Нѣтъ, вы этого сказать не можете. Ночи не сплю, страдаю, на ученьи подвергаюсь безпрестаннымъ выговорамъ, потому что все задумываюсь. Гдѣ васъ нѣтъ, тамъ я глушь, неловокъ, ничто меня не одушевляетъ.

— И все это развѣ любовь?

— А то что же?

— Я сказала бы вамъ, но вы сами лучше знаете. Нѣтъ, мой любезный рыцарь, истинная любовь на вашу не похожа. Она не останавливается ни передъ какими жертвами; она ищетъ случая угадать задушевныя мысли своего идола, исполнить его желанія, хотя бы то стоило жизни. Вотъ это любовь!

— Да почему же вы знаете, что я не готовъ для васъ на всѣ возможныя жертвы?

— Merci! Но на словахъ этому не вѣрятъ.

— Чѣмъ же я виноватъ, если до сихъ поръ не представилось къ тому случая?

— Э, полноте! сколько ихъ было, только вы ихъ не хотѣли замѣтить.

— Вы меня приводите въ отчаяніе. Испытайте меня, скажите!

— Этихъ вещей не говорить. Кто умѣетъ любить, тотъ умѣетъ и догадываться.... Перестанемъ говорить о пустякахъ!

Посмотрите лучше, какъ Ивановъ съ моей сестрой въ парѣ стянули на себя всѣ глаза.

— Не удивительно: весь полкъ знаетъ положительно, что Ивановъ любитъ Аврелію.

— Какая наивная откровенность!

— И любимъ взаимно.

— Это кто ему сказалъ?

— Мнѣ сказалъ Ступачевъ: этотъ шалунъ все знаетъ.

— Какія унизительныя конфиденціи! Мнѣ жаль сестру. Я никогда не повѣрила бы этому иезуиту.

— Иезуиту! Папа иезуитъ? Помилуйте! Да это краса всего полка. Знаете ли, что у насъ всѣ, отъ полковника и до солдата, всѣ его такъ любятъ и уважаютъ, что ему даже не завидуютъ. Образецъ чести.

— Для васъ, для всѣхъ такихъ же дальновидныхъ людей. А по моему.—тонкій Тартюфъ, волкъ въ овечьей шкурѣ.... О, Боже мой! какъ я глупо люблю мою сестру! Не знаю, на что бы я не рѣшилась, чтобы спасти мою бѣдную Релю. Тотъ, кто разстроилъ бы эту партію, могъ бы потребовать у меня въ награду что угодно: ни въ чемъ бы не отказала.... Что это? Они остановились посреди залы? шепчутся!

— Очень обыкновенная вещь. Фигура того требуетъ. Совѣтуются: какихъ выбрать дамъ и кавалеровъ.

— Вы угадали, проговорила пани Петронилла, испуганная, сдѣлавъ движеніе на своемъ стулѣ:

Ивановъ шелъ прямо къ ней. Поклонъ. Нѣмое приглашеніе.

Мануйко точно былъ недалковиденъ. Стоило взглянуть на Петрониллу, чтобы разгадать всѣ задушевные ея мысли. Щеки залились яркимъ сплошнымъ румянцемъ; глаза загорѣлись такимъ блескомъ, какъ будто искры тамъ рассыпались. Она встала и, подавая Иванову горящую руку, спросила дрожащимъ голосомъ:

— Чѣмъ я могла заслужить такую честь?

— Не понимаю, прекрасная пани Петронилла, вашей насмѣшки.

— Ей-Богу, не насмѣшка!

— Такъ что же?

— Вы сердиты на насъ.... Вы имѣете право сердиться.

— Ни на волосъ! Всякой воленъ въ выборѣ друзей и знакомыхъ. Я уважаю это право. Я непріятенъ вамъ.

— Не мнѣ!...

Но это „не мнѣ“ едва было слышно, тѣмъ болѣе, что оно было сказано уже во время танца. Ивановъ сдѣлалъ съ пани Петрониллой, вмѣсто одного, три тура, желая угодить Аврелии, потому что она просила его выбрать ея сестру. Замѣтивъ довольную улыбку Аврелии, Петронилла вдругъ остановилась.

— Довольно! сказала она, задыхаясь. — Я устала. Голова закружилась. „Погоди, погоди“—думала она, усѣвшись на свое мѣсто—„я заплачу тебѣ за такое унижительное великодушіе... А я, дура, обрадовалась? Ухъ! какъ досадно!...“

— Вы взволнованы? спросилъ неотвязный Мануйко.

— Еще бы! Когда приличія велятъ подать руку....

-- Не договаривайте! я понялъ васъ!

— Насилу!...

— А кто виновать? Сказали бы одно слово, и я не допустилъ бы такъ далеко этого непріятнаго для васъ романа... Теперь придется дѣйствовать круто; но для васъ я на все готовъ...

— Что же вы хотите дѣлать?

— Увидите....

XI.

И постъ прошелъ; и убрали уже столы, въ домѣ президента, изъ-подъ *сеньционаго* (пасхальныя кушанья), на которомъ красовалось болѣе сотни яствъ, раскрашенныхъ, раззолоченныхъ, облитыхъ сахарной глазурью. Пахнуло весною. Пани Матильда стала жаловаться на городской воздухъ и, послѣ Оминой недѣли, въ исходѣ апрѣля, перебралась въ Жеребовецъ, къ крайнему удивленію горожанъ, а больше всего Култгуса. Онъ долженъ былъ очистить занимаемый имъ флигель, на случай пріѣзда пани Петрониллы съ мужемъ, а самъ, съ домочадцами, переселиться въ садъ, въ старую *альтану* (бесѣдку). Култгусъ даже былъ радъ этой выдумкѣ, потому что теперь уже ворота не запирались: гости то и дѣло свободно шныряли по дзѣдзинцу (двору); полевныя работы и непрерывныя распоряженія пани Матильды заставляли его часто отлучаться, а старая „альтана“ была въ самомъ углу сада, за пасѣкой: по милости пчель, туда ни господа, ни гости, ни прислуга не ходили никогда. Ступачевъ въ тотъ же день узналъ

о такомъ мудромъ распоряженіи пани Матильды и началъ, послѣ предварительной рекогносцировки, придумывать удобнѣйшіе пути сообщенія. Панъ-президентъ тоже былъ радъ переѣзду семьи въ деревню. Служба не позволяла ему переселиться туда же; но къ обѣду онъ регулярно являлся въ Жеребовець. Когда нарядный президентскій *кочобрыкъ* вѣзжалъ на гладко-высокий дѣздинець, панъ-президентъ, не выходя изъ экипажа, кричалъ: „хлопче! ступай, проси господъ офицеровъ борщу кушать“. Вечеръ онъ проводилъ въ семействѣ или осматривалъ хозяйство; послѣ скромнаго сельскаго ужина тотъ же кочобрыкъ отвозилъ его въ городъ, а офицеры провожали его до плотины и потомъ расходились по домамъ. Удивительно: такая жизнь, казалось, была мучительно-однообразна, а между тѣмъ всѣ были довольны, даже панъ Култусь. Одинъ Мануйко былъ постоянно задумчивъ и мраченъ, рѣдко приходилъ къ товарищамъ, часто ѣздилъ въ городъ, возвращался нѣ въ духѣ. Ступачевъ неослабно наблюдалъ за нимъ.

— Знаете, господа—сказалъ онъ разъ утромъ за *чаями* у Иванова—мнѣ жалъ нашего Нулина—такъ называлъ онъ Мануйку — просто отъ рукъ отбился. На душѣ у него нехорошо. Бойтся признаться. Этого запускать нельзя, какъ хотите. Надо взять его въ допросъ.... Пугачевъ! сходи попроси Мануйку сюда. Скажи: ротмистръ-де просить....

— Вотъ выдумалъ! Да на что мнѣ онъ! Пусть себѣ возится съ Петрониллой! Славная школа!

— Что правда, то правда. Школить она его, бѣднягу.... Однако, по правилу товарищества, слѣдуетъ ему растолковать.... Ну, вотъ и онъ кстати! Послушай ты, *эксбукета!* Ты не подумай, *резеда* ты этакая, что мы тебя спроста позвали. По распоряженію высшаго начальства, ты долженъ, *во-первыхъ*, причесаться.... при тебѣ ли гребешекъ? глянь въ зеркало, какъ у тебя шевелюра-то взъерошена!... *во-вторыхъ*, ты долженъ объявить откровенно, какъ по нашему артикулу и по присягѣ доброму гусару надлежитъ: какая муха укусила тебя въ носъ?

— Чортъ тебя пойметъ что ты врешь....

— Ты, *эксбукетишка*, не вилий!... Признавайся! Правъ — поможемъ, неправъ—образумимъ....

— Да съ чего ты привязался?...

— Черная неблагодарность! Понимаешь ли ты всю мѣру

нашей о тебѣ заботливости? Довольно Петронилла за носъ тебя поводила. Глянь въ зеркало! Носъ распухъ....

— Послушай, Ступачевъ! Есть мѣра и въ пріятельскихъ шуткахъ....

— Ну, братъ, не тебѣ мѣрять! А если тебѣ глаза польскимъ крахмаломъ замазали, такъ кто же собьетъ эту негѣпую штукатурку, если не добрые товарищи?

— Странная заботливость! У каждаго изъ васъ есть свои пѣвѣточки: забавляйтесь! я вамъ не мѣшаю....

— Мѣшаешь! Честь полка затронута!... Самого щегольскаго, духовитаго нашего офицера вотъ ужъ сколько времени, будто котенка, бумажкой на ниткѣ дурачать....

— Михайло Ивановичъ! и вы позволяете въ вашемъ присутствіи?...

— Неужели ты сердиться? Ты вѣдь знаешь Ступачева! Отвѣчай ему тѣмъ же!

— Да что онъ, розмаринъ этакой, что онъ можетъ отвѣчать на мои увѣсистые резоны? Я тебѣ вотъ такъ-таки прямо объявляю, что Петронилла надъ тобой подтрунила, что она тебя не только не любитъ, но оскорбительно для всего полка парфюмеромъ называетъ, а этоть.... бѣлобрысая польская тыква на парижской колодѣ... конфетчикомъ тебя при гостяхъ публично величаетъ....

— Врешь, Ступачевъ! Сочинилъ!...

— Ей-Богу, правда!...

— Побожиться ты недорого возьмешь....

— Ахъ ты бутонъ-мутонь! Не вѣришь? Такъ повѣрь моей чести....

— Не смѣши! Кто могъ сказать тебѣ?...

— Кто? Нечего дѣлать: для чести всего полка надо признаться. Мнѣ сказали и Маріанна и Зося.... А имъ сказалъ панъ Култусъ подъ пьяную руку, а панъ Култусъ подкупленъ: онъ долженъ переносить Петрониллѣ обо всемъ, что тутъ дѣлается. Ну что, эксбукеть, вру я?

— Да изъ чего же Петронилла хлопочеть? спросилъ удивленный Орлей, съ примѣтнымъ смущеніемъ.

— На это пусть *резеда* отвѣчаетъ. Вѣдь онъ кофидентъ Петрониллы, пріятель, другъ, каша безъ масла....

Мануйку въ потъ бросило. Онъ понялъ, что, невольнымъ образомъ, увлеченный прелестями и кокетствомъ пани Петро-

нили, онъ, наравнѣ съ Култусомъ, подкупленъ совершенно пустыми надеждами, какъ тотъ деньгами. Досада, стыдъ, страсть, все разомъ заговорило; но сознаться передъ товарищами не хватало силъ. Мануйко сѣлъ на кровать Иванова и, схвативъ гитару, сталъ брянчать по струнамъ безъ толку.

— Вотъ и спасовалъ! заговорилъ опять Ступачевъ. — Хочешь для куражу чаю?... А? Что, душа моя?... Струсилъ, а не трусь!... Вотъ ты, моя фиалка, знай и вѣдай, что съ этими чопорными барынями всегда глушій конецъ. Или дуракомъ по свѣту пустягъ, или мужъ полѣномъ колѣнки перешибеть.... Первое на лицо; второе въ перспективѣ.... Ну, да напихъ не тронь! У бѣлобрысой тыквы я физиономію испорчу; у меня съ нимъ длинный счетъ: за Пашу, за тещу, за влюбкетъ, за Култуса....

Орлей молчалъ; но Ивановъ не утерпѣлъ—спросилъ:

— А теща тутъ что?

— Тещу оставимъ на-послѣ. Заразъ жирно будетъ! Да и Култусъ вѣдь не каждый день пьянъ, и пьяный не все вдругъ разболтаетъ, и Маріанна, по незнанію, слушала такъ себѣ, безъ инструкціи; а вотъ при слѣдующей оказіи она его за языкъ уже по моимъ ногамъ потянетъ.... Одно пока скверно, если правда, что Петронилла проболталась, будто парфюмеръ съ нею заодно....

Всѣ трое вопросительно взглянули на Мануйку.

— Да чего хочется этой фуріи? заревѣлъ Орлей, топнувъ ногою.—Если знаешь, Мануйко, молчать грѣхъ, нехорошо....

— Бабыя глупости! польскій патриотизмъ! отвѣчалъ Мануйко, вертя гитару.—Ей не хочется видѣть сестру замужемъ за русскимъ....

— Ну?

— Что ну? въ смущеніи сказалъ Мануйко, вставъ и бросивъ гитару. — Что мнѣ теперь жалѣть ее? Во что бы то ни стало, а она поглялась разстроить свадьбу.... Паша, не сердись на меня. Мнѣ слѣдовало давно тебя остеречь. Ну, да ты самъ влюбленъ, самъ знаешь, какъ трудно измѣнить тому, кого такъ любишь.... Богъ съ нею! Теперь все кончено!...

— Кончено? перебилъ Ступачевъ. — Нѣтъ, погоди! Я не губная помада: не растаю! Я ее доконаю. Пусть протори и убытки заплатитъ.... Я знаю что дѣлать.

— Однако, какъ подумаешь, что за дурацкій патриотизмъ! замѣтилъ Орлей.

— Патриотизмъ! Вретъ баба! Дѣло явное! Собака на снѣгъ. Она сама въ Пашу по уши втюрилась. Не мнѣ, такъ никому!... Ну, да мы разсчитаемся!...

— А какъ мы съ тобою разсчитаемся, Ступачевъ? Вѣдь ты всю эту исторію раскрылъ и распуталъ.

— Благодарите Маріанну: безъ нея что узнали бы мы?

— Пронятый Култусъ! Погоди же! И я не промахъ!... Ушлютъ его далече! замѣтилъ Орлей.

— Что вы, что вы, ротмистръ! Покорно васъ благодаримъ за одолженіе. Вѣдь его безъ дочери и Маріанны не сошлютъ. Вотъ будетъ примѣрная благодарность!

— Панъ-президентъ пріѣхалъ — сказалъ Путачевъ въ дверяхъ.—Просить борщу кушать....

— Вотъ тебѣ разъ! Что такъ рано?

— Какое рано! Это мы съ „резедой“ провозились! Скорѣе одѣваться, а то панъ-староста съ голоду завоетъ... А на счетъ Култуса, Михайло Ивановичъ....

— Не бойся! Свой своему по неволѣ другъ. Хорошо, что остерегъ; а то я уpekъ бы его....

Послѣ обѣда, по обыкновенію, всѣ пошли въ садъ. Закурили сигары, расположились подъ тѣнью густыхъ липъ, кое-кого пили. Ступачевъ затѣялъ длинную исторію про медвѣдя съ однимъ ухомъ. Панъ-президентъ стоялъ на томъ, что онъ такъ и родился. Ступачевъ увѣрялъ, что охотникъ отрубилъ ему одно ухо для мѣтки. Спорили. Ступачевъ горячился, панъ-президентъ подтрунивалъ, а, между тѣмъ, обѣ дамы съ обоими постоянными своими кавалерами пошли гулять по тѣнистымъ аллеямъ жеребовскаго сада. Обѣ пары старались выиграть выгодное и безопасное разстояніе.

— Какъ угодно—сказалъ Ивановъ, очевидно послѣ продолжительнаго разговора—а мнѣ грустно видѣть разладъ въ семействѣ. Вотъ уже три недѣли прошло, а пани Петронилла ни разу не посѣтила матери и нѣжно любимой сестры. Неужели чувство ненависти къ русскимъ такъ глубоко сидитъ въ сердцѣ полькѣ?...

— Одна не всѣ, отвѣчала Аврелія.

— Значитъ, пани Петронилла исключенецъ?

— И того не думаю. Панны визитки отреглись отъ всѣхъ

удовольствій этого міра, а между ними много молодыхъ. Нельзя жить такъ, чтобы ничего не любить на этомъ свѣтѣ съ горячностью, съ увлеченіемъ. Для этого у визитокъ осталась отчизна....

— Да вѣдь она пона и у всѣхъ есть!...

Аврелія вздохнула.

— Была — тихо прошептала она — но вы ее у насъ отняли!...

— И возвратили....

— И опять отняли....

— Извините! Въ этотъ разъ вы сами потеряли.... Польша процвѣтала, богатѣла. Свой языкъ, свои законы, свое войско, все свое. О религіи и говорить нечего. Никто ее и трогать не думалъ. Но Чарторыйскому захотѣлось быть королемъ, Лелевелю — консуломъ, и счастье Польши опрокинуто.

— Нѣтъ, не потому; а потому, что братъ захотѣлъ быть не братомъ, а вотчиномъ.

— И это не причина.... Причина та, что въ душѣ и того и другаго брата не было братской любви.

— Вотъ это такъ! Вамъ, правда, не за что было и любить насъ, а намъ и подавно....

— Согласитесь однако, что все это предубѣжденія, предразсудокъ....

— А кто его уничтожить?...

— Время.

— Долго ждать....

— Неужели вражда между двумя родными народами должна стоять вѣчная?

— Не дай Боже!

— Значить, вы не врагъ русскимъ....

— Да я-то что! меня не спросятъ....

— А если бы спросили?...

— Я сказала бы, что у Бога нѣтъ ни русскихъ, ни поляковъ....

— Аврелія! Это моя религія....

— За то васъ всѣ такъ любятъ и уважаютъ....

— И вы?...

— Да что я!...

— Что вы для меня?... О, какъ жаль, что вы не читаете по-русски....

— Вы однако выучились читать и писать по-польски.
 — Такъ что же изъ этого?
 — То, что и другіе могутъ подражать вамъ..
 — И вы дали себѣ трудъ....
 — Не смѣйтесь! Печатное я уже кое-какъ разбираю. Дайте мнѣ вашу книгу: я стану читать, а чего не пойму, у васъ спрошу.

— То-то и бѣда, что это не книга, не печатное, а просто письмо....

— Жаль! Впрочемъ, вы сами можете прочесть мнѣ....

— Недостанетъ смѣлости.

— Немножко обидно.

— Но если это письмо должно рѣшить счастье всей моей и вашей жизни...

— Вы меня пугаете, мосье Поль! Какимъ образомъ я могла попасть въ это письмо? Теперь уже не любопытство заставляетъ просить васъ: не скрывайте отъ меня письма. Оно съ вами?

— Со мною.

— Я никогда не замѣчала въ васъ робости, а теперь...

— А теперь я стою на кратерѣ....

— И меня туда же втащили! Вотъ кстати скамеечка.... Сядемъ.... Читайте. Отъ кого письмо?

— Отъ моего отца.

— Начинайте....

Ивановъ сталъ читать. Первый періодъ письма, какъ извѣстно, объяснялъ все, и потому на первой же точкѣ Аврелія остановила чтеніе.

— Я не самолюбива, Поль! Я теперь все понимаю. Прежде, чѣмъ сказать мнѣ, вы рѣшились признаться отцу. Честно! Отецъ старше невѣсты, но, Поль, не старше жены. Я ревнива, Поль!

— Божественная Аврелія!...

— Ради Бога, не употребляйте такихъ святыхъ титуловъ. Даль бы Богъ быть мнѣ земною жемчужиной, но ~~затѣ~~ слѣдуетъ....

— Несравненная Аврелія! Ты будешь образцамъ жены, матери и всемірной гражданки. Сбылось мое счастье!

— И мое тоже! Я полюбила васъ, Поль, съ перваго взгляда; но, признаюсь, сначала я боялась васъ.

— Ахъ, Аврелія! Когда я писалъ отцу и просилъ его благословенія, я былъ еще очень далекъ отъ рѣшительной мысли жениться,

— Могу ли спросить о причинѣ?

— Взгляну на васъ, и тайный голосъ шепчетъ мнѣ: это судьба твоя. Отойду и стану разсуждать: полька, воспитанница паненнѣ визитокъ! Дѣло невозможное! Для нея, кромѣ поляковъ, нѣтъ людей на свѣтѣ. Взгляну опять на васъ — глаза, лицо, все существо ваше говоритъ мнѣ: не правда, Поль! за что меня обижаешь? я превыше всѣхъ предразсудковъ! Такъ и случилось. Письмо отца на минуту смутило мои убѣжденія.... Я желалъ бы дочитать его вамъ.

— Я слушаю съ жадностію...

Ивановъ сталъ опять читать и труднѣйшія фразы пояснять польскими словами-

— Все? спросила Аврелія.

— Все!

— Поль, какой у насъ будетъ чудесный отецъ!...

ХІІ.

Вечерѣло. Всѣ собрались въ большую залу, гдѣ поданъ былъ самоваръ съ принадлежностями и à la suisse холодная закуска. На фортепьянахъ горѣли свѣчи. Недоставало Иванова и Авреліи. И они скоро пришли, но съ такими торжественными, восторженными лицами, что не только опытная пани Матильда, а и отецъ и гусары, за исключеніемъ Мануйки, догадались въ чемъ дѣло. Молодая чета примѣтно искала случая переговорить поскорѣе — Ивановъ съ паномъ-президентомъ, Аврелія съ матерью. Но, какъ на бѣду, панъ-президентъ усѣлся съ Мануйкой въ szachі (играть въ шахматы), а Орлей не отходилъ отъ стола, за которымъ сидѣла пани Матильда. Ступачевъ никому не мѣшалъ, потому что всеусерднѣйше занимался разборомъ сельской закуски. И ветчина, и творогъ со сметаной, и бигось съ уксомъ, все это укладывалось въ одинъ и тотъ же желудокъ и поливалось венгерскимъ.

„Просто рай эта Польша! подумалъ Ступачевъ, вонзая вилку въ холодное жаркое.—Вонъ индюшка, словно миндалями кормленая; а моя-то индюшка—Маріанна? Шельма Култустъ малиной со сливками ее выкармливалъ. А Зося? А? Подростеть,

будетъ зѣлье: дурмана не нужно... белладона шельма, белладона! только еще въ бутончикѣ. А впрочемъ и теперь уже смекаетъ, плутовка, гдѣ раки зимуютъ. Какъ долго глядитъ на меня, такъ и загорится, глазки такъ и забѣгаютъ.... Эхъ, жизнь наша походная! Не доживешь на одномъ мѣстѣ, пока Зося на пору придетъ. Ну что за бѣда! На то Польша! Вездѣ есть Юзи, Зоси, Маріанны! Унывать нечего! Посмотрѣть бы лучше что вечеромъ дѣлаютъ пчелы? А что, въ самомъ дѣлѣ, съ этой стороны, не удалось ни разу ходить въ атаку. Чай дома? Попробую прогуляюсь. Барыни, вѣрно, за мое отсутствіе не разсердятся. Еще спасибо скажутъ!..“

И Ступачевъ, пропустивъ еще стаканъ венгерскаго, вынулъ здоровую сигару и, твердо помня мѣстный обычай: не курить при дамахъ въ комнатахъ, вышелъ на балконъ, вынулъ серебряную спичечницу, закурилъ и отправился.

— Вотъ тебѣ и законный предлогъ: курить закатилось! сказалъ онъ со смѣхомъ, поворачивая на пасѣку.—Да! А если пчелы табачный дымъ слышать? Дорого прогулка обойдется!

И, не доходя до пасѣки нѣсколько шаговъ, бросилъ сигару въ траву.

— Такъ и есть! Шельма дома. Иллюминація! Бражничаютъ проклятый до подушки! Поглядимъ, полюбуемся!

Подожелъ Ступачевъ къ окну старой „альтаны“—какой-то хустой завѣшено; подошелъ къ другому — та же исторія. Прислушался — женскій смѣхъ.

— Дуэтъ! Третьяго, баса-то, не слышно! видно, уже готовъ. А постучу я въ окно. Ночь зги не видно. Выскочить чучело, я его приму въ братскія объятія, задамъ потасовку, отколочу—и слѣдъ простылъ. Право, отличный случай. Давно руки чешутся!

И Ступачевъ легонько постучался въ окошко. Смѣхъ затихъ; огни погасли.

— Это что за притча?

Постучался во второй разъ — молчаніе; постучался въ третій — дверь скрипнула.

— Лѣзетъ уродъ! Какъ бы его на полянку выманить: тузить просторнѣе.

Но черезъ полуотворенную дверь послышался робкій женскій голосъ:

— Кто тутъ?

— Панъ Култусъ дома? спросилъ, не своимъ голосомъ. Сту-
пачевъ.

— Уѣхалъ.

— Куда?

— Не наше дѣло.

— Маріанна — сказала шепотомъ Ступачевъ, подходя къ са-
мой двери. — да вѣдь это я!

— Тс... Зося же спитъ. А зачѣмъ тебѣ Култусъ? громко
продолжала Маріанна.

— Дани-президента приказали позвать его, говорили так-
же громко. Ступачевъ не своимъ голосомъ. — А если Култусъ
нѣтъ, пусть кто-нибудь придетъ, дѣло нужно.

— Да кто же пойдетъ? Зося, ступайте вы?

— А пусть меня Господь Богъ бережетъ — ни за что! Сту-
пай ты, Маріанна! Ты же кстаги еще не раздѣвалась и дѣс-
ныхъ духовъ не боишься.

— Ну я, такъ я!... Доложи, что сейчасъ буду.

Черезъ минуту Маріанна уже была въ тѣмной скамей, что
за пещкой, на той самой скамейкѣ, на которой рѣшилась
судьба Иванова и Аврелия.

— Что это за дѣльные дуки? спросилъ Ступачевъ, лаская
Маріанну.

— Это панъ Култусъ насъ съ Зосей, дугаетъ.

— И Зося вѣрять?

— Ахъ, ужъ такая мнѣ съ нею бѣда, сказать не умно.
Легковѣрная изъ рукъ вонъ: скажите ей, что у ней мыло ворту,
плавать станетъ. Что изъ нея будетъ!

— Будетъ красавица, выйдетъ замужъ и точно такъ же бу-
детъ обманывать мужа и любовниковъ, какъ и другія.

— А что же вы не спрашиваете, куда Култусъ уѣхалъ?

— Ты сказала, что не знаешь.

— То при Зосѣ, а для васъ какъ не знать! Пѣхалъ въ
городъ, къ пану Дзвигачу, съ рапортомъ.

— Съ какимъ рапортомъ?

— А вотъ видите: часа два тому назадъ, на этой самой
скамейкѣ сидѣла дѣвонка наша съ хорошененькимъ офицеромъ, а
панъ Култусъ черезъ пещку цѣбровалъ, вотъ въ одну кулгахъ
урастидая, что за нашей сннкой. Чо тутъ было — не знаю,
только панъ Култусъ прибѣжалъ, захывавшись, въ „аллею“.

надѣлъ городское платье и шляпу; сѣлъ на своего *бранича* и рысью побѣжалъ полевъ....

Такое важное извѣстіе слѣдовало сообщить тотчасъ же по принадлежности; но Ступачевъ воротился на барскій дворъ тогда уже, когда не только панъ-президентъ уѣхалъ, но и ворота были замперты. Для Ступачева не существовали, впрочемъ, ни замки, ни запоры. Онъ опять отступилъ въ садъ, на пасѣнку, несмотря на темную ночь, въ непреходимой на взглядъ гущѣ запущеннаго сада нашель устроенный имъ самимъ путь сообщенія, благополучно переправился черезъ стѣну и, замѣтивъ черезъ сардце, вырѣзанное въ ставнѣ, что у Орлея еще горитъ свѣтъ, прямо туда. Въ удивленію и удовольствію Ступачева, ротмистръ и штабсъ-ротмистръ сидѣли за столомъ; передъ ними — два бокала и бутылка шампанскаго.

— Ого! значить я встали!

— Ты откуда?

— Изъ дѣсу.

— Что же ты тамъ дѣлалъ?

— Весѣдовалъ съ дѣсными духами. Премилые и разговорчивые!

— Что же ты узналъ отъ нихъ новенькаго?

— Дайте горло промочить: смерть жажда мучить.

— Гдѣ ты это тамъ непачкался?

— При переходѣ черезъ Альпы. Дуракъ Онуферій ворота замперъ. За такую неисправность четвертакъ изъ жалованья вычту.... Ну, что Папа? Поздравляю!

— Съ чѣмъ?

— А на скамеечкѣ? Благополучно окончили?...!

— Я отъ тебя и не намѣренъ былъ скрывать моей радости. Но вотъ что, любезный Ступачевъ: отецъ, мать, дочь, ротмистръ и я на домашнемъ совѣтѣ рѣшили нѣкоторое время держать все въ секретѣ, чтобы не узнала Петронилла, и объявить, когда все будетъ готово къ свадьбѣ.

— Благоразумная предосторожность; жаль, что запоздалая.

— Мануйло не знаетъ.

— Да еслибъ и зналъ, не скажетъ; а Кулгусъ?

И Ступачевъ разсказалъ, въ чемъ дѣло.

— Какая досада! сказала Ивановъ, вставая. — Что теперь дѣлать?

— Выпить еще бутылку шампанского: авось придумаемъ, что-нибудь придумаемъ.

— За этимъ дѣло не станетъ.

— Мой совѣтъ: идти ротмистру сейчасъ на барскій дворъ, достучаться, просить у кани президентовой формальной аудиенции, доложить, какая опасность угрожаетъ королевству Жеребовскому.

— Нѣтъ, такъ не годится: на всю околицу спланируемъ. А честь дома Жеребовцевъ теперь уже и моя, прибавилъ Ивановъ.

— Значить, одной бутылки мало! Велите еще бутылочку откупорить.

— Этимъ меня не удивляй. Хотя дежину, лишь бы что-нибудь выдумать.

— Фу, какая славная бутылка! съ корозомъ! такъ и щиплетъ... Вся сила въ томъ, чтобы предупредить пани Матильду; а она уже обдѣлаетъ...

— Какъ же ее предупредить?

— А вотъ какъ. Завтра утромъ, пока не кончатъ туалета, пани Матильда и старой бабы не приметъ, не только посторонняго, ни мужа, ни дочери въ уборную свою не пуститъ. Значить, надо письмо написать, вотъ, а *рек-прѣс*, такъ: „Культусъ—шелма. Сегодня ночью бѣжалъ на *браначъ* въ городъ и донесъ о нашей резолюции. Рапортуемъ для свѣдѣнія и распоряженія....“

— А кто же передать письмо?

— Я.

— Какимъ образомъ?

— Чортъ васъ побери! Вы всё мной секретъ повлитаснаете. Ну, да для милаго дружка и сережку изъ уха!... Что, есть тамъ еще на погребѣ холодненькое?...

— Не повредило бы тебѣ, голубчикъ Ступачевъ, замѣтить съ важностію Ивановъ.

— Ну, не надо.... Довольно! Вѣдь завтра я долженъ чуть-свѣтъ встать, чтобы не прозывать, когда Юзя на садовомъ балконѣ юбки станеть выколачивать...

— Юзя, горничная пани Матильды! Это, Ступачевъ! что-то новое?...

— Новѣйшее, такъ себѣ, мимосодомъ! Я, знаешь, что утрамъ лечусь, минеральныя воды пью, гуляю.... Нечаянно

наткнулся?... Ну да не ваше дѣло!... Юзя подасть письмо пани Матильдѣ, а секрета ни вашего, ни своего не выдасть. Это тонкая штука—на барыню посмотрѣлась...

— Ступачевъ, зачѣмъ всѣхъ трогать?..

— Виновать, Папа! Ну, садись, пиши письмо; а то заспаю...

— Но когда пани Матильда узнаетъ, какимъ путемъ мы провѣдали, что будетъ съ бѣдной Маріанной?..

— Э, Папа! а сама-то она святая что ли? Вѣрь мнѣ, найдеть оказію—Маріаннѣ подарочекъ пожелуетъ. Ты, братъ, Папа, знаешь человѣческую голову какъ свои пять пальцевъ, а въ сердцѣ человѣческомъ ни бельмеса не смыслишь... Общественна не сердитой, если самой хорошо и немому завидовать... Пиши!

На другой день Юзя подала письмо, когда барыня еще лежала въ постели. Пани Матильда, взглянувъ на письмо, встрепенулась какъ молодая дѣвушка. Знакомая обложка слетѣла. Она съ жадностью прочла и расхохоталась.

«Какая у меня отличная полиція», подумала она. — Нельзя вѣстись! Надо поспѣшить туалетомъ.... Сегодня гости рано прійдутъ....»

И точно, далеко до полудня, пани Матильда уже гуляла съ Авреліей по тѣнистымъ аллеямъ, какъ вдругъ раздаен отуть экипажа на мещаномъ дзвѣзвѣцѣ. Мать и дочь обивались взглядами и улыбкой.

XIII.

— Кожа мамо! Тамъ зашла пани Петронилла. Въ-залѣ, брехалась въ объятія матери. — Вы вѣрно сердитесь, что мы такъ долго не навѣщали васъ. Ужасъ скѣпно хлопотъ съ новымъ хозяйствомъ! Станиславъ просто не выходилъ изъ кабинета. То бумаги, то мастеравые.... Намъ домъ въ подарокъ просто игрушка. Но теперь, слава Богу, все кончено, и мы поспѣшили къ вамъ, чтобы узнать и условиться, когда вы можете прійхать погостить къ намъ....

Пани Матильда поблаговѣла съ досады, но, взглянувъ на Аврелію, опомнилась. Величественная, важная, покойная, она казалась и ростомъ выше и лицомъ краше; прелесть была написана на ея ослѣдительномъ лицѣ, а между тѣмъ, это выраженіе

лица: цѣлолюбовой смелости; оно дышало чужимъ презрѣннѣмъ...

— Не знаю, скоро ли намъ удастся... отвѣчала Матильда съ принужденнымъ оповѣщеніемъ — побывать въ раннемъ очаровательномъ Бабиловѣ. У насъ и у самихъ дѣла пропасть. Но подумаемъ, потолкуемъ съ мужемъ. Вы, конечно, проведете, ведь дѣль съ нами. Не съ визитомъ же прѣѣхали! Боюсь только за пана Станислава: скучать будетъ. Впрочемъ, можно поддѣлать за великимъ фаворитомъ: данъ Станиславу любить съ нимъ играть въ шахматы...

— Зачѣмъ? Въ присутствіи нашей очаровательной мамашы не можетъ быть скуки, возразилъ панъ Станиславъ.

Лестъ изводителюна, обожателю, но ни въ какомъ случаѣ ятцо. Вотъ за, что я люблю нашихъ дураковъ. Мануйло исключается. Никогда отъ нихъ не слышу лести и окривленнаго проворю, оченъ жалко, что они должны перемѣнить квартиры.

— Какъ? гусары отсюда выходятъ? спросила Петровицка.

И очень скоро. Но это секретъ, Цила! Они и сами еще не знаютъ. Мнѣ пишутъ изъ Варшавы....

— На ихъ мѣсто вѣрно прищлютъ другую экаскуцію, мрачно замѣтилъ Дзвигачъ. — Когда-то мы совсѣмъ избавимся отъ этихъ непрошеныхъ гостей?

— Когда вы въ Парижѣ сформируете польскую армию и освободите насъ отъ прѣятной опеки москалей....

— За этимъ дѣло не станетъ! Петровицка не соглашается, а мнѣ даже совѣстно передъ товарищами. Сижу здѣсь, ничего не дѣлаю, когда великій трудъ только-что возникаетъ, когда истинные патриоты кладутъ прочное основаніе новому порядку.

— Полноте морочить, пане Станиславе! Видѣли мы вашъ порядокъ; и до сихъ поръ Польша не можетъ оправиться отъ патриотическихъ подвиговъ героевъ тридцатаго года....

— Еще бы ей оправиться подъ обухомъ Москвы! Впрочемъ, по дѣломъ намъ! У кого нѣтъ сыновняго чувства, зачѣмъ тому мать?

— Вотъ что правда, то правда! Это мы на опытѣ видимъ.

— Гнилая Польша! гнилыя дѣти! Этой Польшѣ намъ не нужно....

— Опять правда: французская Польша для французовъ лучше....

— Вы все шутите, пани Матильда, а будете плакать....

— И весьма вѣроятно, но не по милости москалей, а по милости лукавыхъ друзей Польши. Вы только ножны, а ножъ чужой.... Но довольно этой политикѣ.

Наступило молчаніе. Петронилла, а за нею Аврелія подошли къ фортепяно.

— Ну что, Аврелія, играешь что-нибудь новенькое?...

— Учу прекрасную фантазію на русскія темы, но еще не кончила.

— А мнѣ сказали, что ты ее разыграла въ совершенствѣ.

— Разыгрываю, ты хотѣла сказать; говорятъ, недурно.

— Надѣешься скоро кончить?

— Какъ Богъ дастъ....

— Рея! И отъ сестры ты стала тайтаться! Мнѣ все извѣстно. Ты будешь самая несчастная жена. Русскіе будутъ смотрѣть на тебя какъ на пріемыша, поляки какъ на имѣнницу...

— Лишь бы родные—вотъ и ты Никола—смотрѣли на меня какъ слѣдуетъ.

— Я поляка.... и всегда буду мнѣнія всѣхъ, всѣхъ поляковъ....

— Жаль, а нечего дѣлать....

— Значить, слово дано?

Аврелія помолчала, потомъ спросила тихо:

— Скажи, Никола, если бы Ивановъ посватался за тебя прежде, ты не предпочла бы его Дзвигачу?...

Неожиданный вопросъ такъ смутилъ Петрониллу, что она покраснѣла по уши.

— Какой глупый, неприличный вопросъ!...

— Полно, Никола! Есть чувства, которыхъ нельзя спрятать....

— Ты хочешь оправдать унизительное чувство! Стыдись, Рея!...

— Я горжусь имъ!

— Съ тобой говорить не стоитъ. Чисто сумасшедшая!...

Петронилла отошла, чтобы не сказать отскочила, и усѣлась возлѣ матери.

— А ты, пане Станиславе, не поздравлялъ Рею?

— Съ чѣмъ?

— Выходитъ замужъ.

— За кого?

— За москаля Иванова!...

— У тебя, Нила, иногда такая страшная дутня!... Кто тебя сказал?

— Сама Редя....

— Опа допущена, а ты и повѣрила! Дочь Жеребковъ и Коронскихъ не можетъ забыться до того, чтобы выйти замужъ за врага нашего, врага отвѣчнаго, непримиримаго, съ которымъ одинъ конецъ—бой кровавый на жизнь и смерть, на что уже и рѣшилась вся Польша. Она сватается не по сердцу, а по инструкции. Имъ всемъ приказано жениться на полякахъ, чтобы отнять у насъ главную опору, главную силу: воспитаніе дѣтей въ честныхъ и святыхъ правилахъ любви къ несчастной отчизнѣ. Чего казаки, и тѣ на полякахъ безпрестанно женятся. Позоръ—и только! Но пусть бы себѣ пращи, горичники, бѣдныя шляптянки, по нищету, увлекаясь будущимъ значеніемъ и доводствомъ, падали жертвой московской системы нашего окончательнаго порабощенія, а то великодушная дочь Жеребовца, яркая звѣзда на польскомъ небѣ, но панна Аврелія, а блистательная Аврора новой Польши....

Пани Матильда раскохоталась.

— Комедіянты! комедіянты! сказала она, съ трудомъ удерживая смѣхъ.— Намъ, право, обидно, что вы такъ много считывали на ваше краснорѣчіе и на наше слабоуміе. Мы знали образъ мыслей пана Давигача и не хотѣли объявлять вамъ о нашей радости прежде времени; но письмо изъ Варшавы заставляетъ насъ ускорить развязкой... Свадьба въ воскресенье. Милости просимъ. Вѣнчаться будутъ въ полковой походной церкви, а потомъ въ кафедральномъ костелѣ... Слово дано. Мы щадимъ ваши рогагыя мнѣнія; просимъ того же уваженія къ нашему рѣшенію. Не нравится, оставьте ваше неудовольствіе для себя, а мы съ Редей весьма довольны....

„Особенно ты“, подумалъ Давигачъ, насупясь, и отошелъ къ окну, а Петронилла, сидя на стулѣ и вся красная, адски улыбаясь, щипала батистовый платокъ.... Въ такомъ расположеніи застали сцену панъ-президентъ и ведѣдъ за нимъ вошедшіе гусары.

— Я очень рада—сказала Матильда—что всё вы собрались сюда. Позвольте раздѣлить съ вами нашу радость. Аврелія и Педъ—женихъ и невеста, свадьба въ воскресенье.

— Несравненная пани Матильда! какъ вы добры.... сказалъ Ивановъ, цѣлуя ея руку.

— Задала она имъ ослуху.... шепнуть Мануйко Ступачеву.

— Погоди, погоди, не то еще будетъ!.. отвѣчать тотъ и, поздравивъ жениха и невесту, подошелъ къ паннѣ Петрониллѣ.—Позвольте поздравить и васъ....

— А меня съ чѣмъ?...

— Съ такимъ кузеномъ: красавецъ, умница! Весь въ талантахъ, какъ фельдмаршалъ въ звѣздахъ.... Говоритъ — манна небесная, танъ на языкѣ и таетъ; пишетъ — просто паровая машина работаетъ, перо влѣзаетъ. Сердцемъ — ангелъ, умомъ — вождунъ....

— Ахъ Боже мой! да мнѣ-то какое дѣло? Вы рассказали бы лучше атого панегирить невестѣ.

— Знаетъ! знаетъ! Впрочемъ, и Мануйко у насъ славный офицеръ, съ большими способностями. Вѣднѣга болѣнь былъ.

— Панъ Мануйко?

— Да, сильно былъ болѣнь.

— А я и не замѣтила.

— А мы всѣ замѣтили и очень жалѣли такого достойнаго товарища. По счастью, все миновалось. Далъ намъ слово, что больше не захвораетъ.

— Онь надѣется, конечно, на перемѣну воздуха. Вы куда отсюда переходите? Въ Россію или останетесь въ Польшѣ?

„Что за притча — подумалъ Ступачевъ — должно быть; Матушка штучку подбросила.“ — Не знаю, право — продолжать онь громко — Пашъ, говоритъ, дадутъ намъ эскадронъ, и мы съ нимъ перейдемъ въ какое-то мѣстечко или деревню Вавиловъ, что ли?

— Не можетъ быть! воскликнула въ ужасъ Петронилла.

„Ага попалъ.“ — Точно такъ, Вавилокъ, Бабилотъ. Именно! А Орлей останется здѣсь; къ нему перейдетъ первый эскадронъ....

Петронилла уже не слушала Ступачева, встала, подошла къ мужу и начала съ нимъ шептаться.... Шумно-весело было за обѣдомъ. Пани Петронилла притворялась великодушно; но Давидъ ужасно безконилъ Ступачевъ. Онь, можно сказать, не спускалъ съ него глазъ; улыбка, мудреная, многозначительная, не сходила съ лица его. Такъ какъ они сидѣли почти

«... ты Давигать не знаешь куда и смотреть, наконец не выдержалъ:»

«... Вы верно хотите мнѣ что-нибудь сказать?»

«... Теперь нѣтъ. А постъ, можетъ быть.»

— Отчего же не теперь? Кажется, между нами нѣтъ секретовъ.

«... Какъ знать... После... после...»

«... Едва встали изъ за стола, какъ Давигать исчезъ и черезъ несколько минутъ воротился. Спусти четверть часа подъѣхала нарядная коляска четверникомъ съ *бача*. Давигать и пани Петроника встали, распростились: Давигать сухо, Петроника нѣжно. Манушко выдержалъ характеръ: даже на прощаньи не взглянулъ на пани Петронику. Провожали гостей въ коляску Ивановъ и Ступачевъ. Петроника помогъ свѣтъ въ экипажъ Ивановъ. Та сухо кивнула только головкой. Въ это время Ступачевъ сказалъ тихо Давигачу:

— Я хотѣлъ съ вами перекинуть слова два; ну да пусть ужъ на той недѣль. Теперь некогда! свадьба!...

«... Бить поджигать; коляска покатилась.»

«... Помысла прѣмъ рабѣмъ — сказала Ступачевъ съ кокомъ — и обратилась въ свѣтъ!»

«... Охъ, братъ — отвѣчалъ мрачно Ивановъ — а мнѣ все какъ-то грустно! Конечно, безъ вины, а все-таки мы ихъ огорчили!»

«... Сахарное у тебя сердце! Ну, ихъ! Я еще не такъ собираюсь огорчить Свободрысю тынву.»

Воротились въ залу. Пани Матильда не была. Но за то у дверей, стоявшая въ почтительную, самоосмирненнѣйшую фигуру, стоялъ панъ Култусъ.

«... Эта можная рожа вачивъ туръ? подумалъ Ступачевъ. — Ужъ не пришелъ ли на меня жаловаться?» — Но присутствіе Култуса вскорѣ объяснилось. Вошла пани Матильда съ бумагами въ рукахъ.

«... Пане Култусъ! сказала она такъ покойно, такъ безстрастно, какъ будто ее не тревожило и малѣйшее подозрѣніе. — Я имѣю къ вамъ большую просьбу.»

«... Вотъ тебѣ и удрулима! подумалъ Ступачевъ и немного придвинулся къ Матильдѣ. — Вумси въ рукахъ, личина точно маскаррадана! Давно нѣвохо! Кочеть благовидно сонять его со снульи! Продава моя головушка!»

— Извольте приказывать, отвѣчалъ Кудтусъ, согнувшись, будто аистъ надъ лужей пить собирается.

— Панъ Кудтусъ, человекъ дѣятельный и распорядительный — продолжала пани Матильда — онъ сегодня же, не теряя времени, поѣдетъ въ Варшаву.

„Какъ? Что? Не гонить со двора, а посылаетъ въ Варшаву?“ прошепталъ Ступачевъ. — Кудтусъ не слышалъ; но отъ пани Матильды не укрылась выходка Ступачева; улыбка, какъ молнія скользнувъ по лицу, исчезла, и пани продолжала:

— Вотъ подробный реестръ *сравунокосъ* (покупекъ); даже магазины означены, гдѣ что купить слѣдуетъ. Деньги онъ получить отъ нашего главнаго комиссіонера Лейбы Страгаловича, которому я пишу объ этомъ и обо всемъ что нужно.... Думно, панъ Кудтусъ не откажетъ въ такомъ важномъ и трудномъ случаѣ. Сегодня понедѣльникъ. Къ воскресенью онъ можетъ воротиться. Но нельзя откладывать: надо ѣхать сейчасъ....

„Что, мохнатая рожа? попался? думалъ Ступачевъ, съ наслажденіемъ глядя на Кудтуса, который отъ такого неожиданнаго порученія выпрямился въ струнку, словно аршинъ проглотилъ. Блѣдный, встревоженный, онъ не зналъ что сказать. — Ну-ка, ложись! Отъ такой политики не отдѣлаешься! А я за тебя тутъ похозяйничаю!...“

— Милостивая госпожа — наконецъ заговорила Кудтусъ кротко, робко, жалобно — полевые работы могутъ остановиться.

— Какія же теперь полевныя работы? Слава Богу, отдохнись; до *косовицы* далеко; въ полѣ ровно нечего дѣлать.

„Что валяе, разбойникъ? Это тебѣ не пана-президента мадувать“, думалъ Ступачевъ.

— Позвольте хотя до завтра отложить поѣздку. Мнѣ надо распорядиться.

— Навозможно! перебила пани Матильда. — Панъ-президентъ самъ на это время займется хозяйствомъ.

— Разумѣется! подхватилъ президентъ, не видя въ распоряженіи Матильды никакой задней мысли. — У меня теперь времени довольно.

„Ну, крупомъ оборвали! Что-то онъ теперь знаетъ? Ухитрайся, думанекъ. Полюбujeme на твою удачу!“

— Я приказала дать вамъ — продолжала пани Матильда — мою вѣнскую маленькую коляску — экипажъ для дороги впередъ.

ный; велѣла заложить четверикъ *штанованыхъ* (нѣгихъ). Въ три *нодса* вы уже въ Варшавѣ.... А вотъ, кажется, и лошади готовы....

Култусъ поблѣднѣлъ какъ пологно, къ плохо скрываемому удовольствію Ступачева. Слова стояли въ рту, мысли слились въ галиматью. Онъ былъ и смѣшонъ и жаждокъ.

— Ну, ступай же Култусъ! сказала строго панъ-президентъ. — Скоро вечеръ. Впрочемъ, теперь луна свѣтитъ: можешь всю ночь ѣхать. Ступай же, говорю, а то скучно.

— Мадо же хотя бѣлья захватить! промычала Култусъ. — Дай Богъ въ недѣлю воротиться!

— Такъ чего торчишь тутъ! Ступай, забирай что нужно и маршь до Варшавы....

Пани Матильда отдала бумаги мужу, а сама ушла. Култусъ, нечего дѣлать, взялъ бумаги, взглянулъ жалобно на всѣхъ, особенно на Ступачева, и пошелъ домой, будто приговоренный къ смерти.... Но какъ удивился онъ, когда въ старой альтанѣ нашелъ Юзю, горничную Матильды.... Тамъ уже знали, что панъ Култусъ ѣдетъ въ Варшаву, и стали проситься, нельзя ли взять и ихъ: такъ много онѣ слышали о прелестяхъ веселой столицы. Это нѣсколько успокоило Култуса. „Значить—подумать онѣ—онѣ не въ комплотъ. Это мнѣ такъ со страху показалось; а если разсудить, такъ въ самомъ дѣлѣ кого же и послать съ такими важными порученіями?“ Между тѣмъ, Маріанна съ необыкновеннымъ проворствомъ, съ помощію Юзи, уложила всѣ необходимыя для дороги вещи, безпрестанно утирая слезы.

— Перестань плакать, Маріанна! Вѣдь не въ Москву же я ѣду!

— Дорога не свой братъ. Мало что можетъ случиться!... А позволить панъ Култусъ оляжку старой водки?

— Я не пью. Ну, да на случай, заболитъ желудокъ.

— А венгерскаго? Я только полдюжины положила.

— Не пью. Ну, да про случай, придется какого-нибудь магазинщика поподчивать.

— Вотъ тутъ сахаръ и кофе, а тутъ хлѣбъ, колбасы, жареные цыплята.

— Напрасно, Маріанна, замѣтила Юзя. — Пани уже распорядилась. Пирожки, жареная дичь, ветчина.... все при мнѣ стали укладывать до вечера.

— Э, Юзя! свое выкуси!

„Золотая женщина эта Маріанна“, подумалъ Култусъ и, забывшись, что тутъ торчитъ Юзя, обнялъ Маріанну. — За твою дочернюю службу задамъ тебѣ *чалуса*.

— Пора ѣхать! Понесемъ, Маріанна, вещи, а то пани станетъ сердиться.

— Ни за что! живо отвѣчала Маріанна. — Тамъ столько мужичиъ на дворѣ! Какъ только пани Култусъ уйдетъ, мы двери на крюкъ, да еще запоръ задвинемъ; въ окно не выйдемъ. Поскусаемъ, да за то пани Култусъ привезетъ намъ изъ Варшавы....

— Ну, а что тебѣ привезти, Маріасю?

— Марцыпановъ.

— А тебѣ, Зося?

— И мнѣ марцыпановъ.

— И еще чего-нибудь? Ну, хорошо! хорошо! Не въ добъ битый; и самъ догадаюсь.

— Ахъ, Господи! вскрикнула Юзя, схвативъ въпокъ съ венгерскимъ и какой-то узелокъ. — Вся компанія прямо сюда идетъ.

— Туда къ черту!... Прощай, Зося! Нелюда хныкать. До свиданія! Пусть шпакваты отвѣчаютъ; а я икъ жалитъ не стану! въ три дня исправлюсь...

И Култусъ схватилъ вязку съ платьемъ, сунулъ сумку съ водной за пазуху, взялъ еще какой-то узелъ; Маріанна накинула на него плащъ и надѣла фуражку. Култусъ и Юзя встрѣтили компанію прямо противъ завѣтной скамейки. Ступачевъ чуть не закричалъ отъ удовольствія, увидѣвъ Култуса навьюченнаго разной поклажей.

— Весьма благодарна! сказала пани Матильда. — Я никогда не забуду такого примѣрнаго усердія. Счастливаго пути и скораго возвращенія!...

И Матильда съ Орлсемъ и Ступачевымъ повернули въ боковую аллею.

— Пани Култусъ — сказалъ пани-президентъ — вѣдь что я вспомнилъ: я заказалъ въ Варшавѣ рѣзаной алтарникъ. Полагаю, что готовъ. Лейба знаетъ. Если готовъ, выйди въ паркъ же дождь, какъ прѣдешь, хотя на почтовыхъ. Непременно вышли. До скораго свиданія!...

— Ну, этого нескоро дождется — съ улыбкой шикъ сказала

зани Матильда. — Я его звалю по ругательствамъ: злодѣй, подлый шпионъ, просидитъ въ Варшавѣ!...

Ступачевъ самодовольно сталъ крутить усы, собрался что-то сказать, но подошла остальная компанія.

„Шельма-баба! подумалъ Ступачевъ. — Не люблю я этихъ коверныхъ, а ужь такъ и быть, за такую шутку подѣловаль бы ручку.... даже, куда ни шло, пожалуй, залжурясь, смолнулъ бы въ щечку....“

И Ступачевъ испоса посмотреть на маи Матильду. Случилось такъ, что и она въ это время взглянула на него весело и кокетливо.

„Шельма! не я буду, шельма! Знаеть, все знаетъ. — Слѣдовало Жулигуа пошлешъ со двора, а она, видишь, какой маневръ кыкнула! Ласа здѣсь напему брату. Просто рай—не Польша!“

XIV.

Въ субботу, утромъ, всѣ переѣхали въ городъ. Цанъ-президентъ немало удивился, когда ему подали письмо отъ Давиганна, а еще болѣе удивило его содержаніе письма. Онъ бросился къ женѣ; Матильда въ уборной стояла передъ зеркаломъ и поправляла испорченную дорогой прическу. Аврелія помогала ей.

Невиданная, неслыханная дерзость! кричалъ цанъ-президентъ. — Вотъ дуракъ заложный!...

— Что тамъ такое?

Давиганъ!... На, читай!

Нѣтъ, ужь я не стану глазъ портить... Петрудию самъ!

— Вотъ что пишеть этотъ макоцикъ: „Я получилъ неожиданное извѣстіе, лучше сказать: приназаніе, *Оно* и святыя обязанности, которыхъ вы понимать не хотите, зовуть меня въ Парижъ... Нѣтъ такихъ жертвъ, которыхъ бы я не принесъ нашему святому дѣлу. А потому, кромѣ васъ, никто не удивится, что я съ женой перезъ чась уѣзжаю къ людямъ, потому что, я принимаю жить между людьми, а не между солдатами. Такъ какъ ваша любезный швадронъ переходитъ въ Бабилловъ, то Аврелія можетъ располагать моимъ домомъ, аицажемъ, при-ступой, аммушнъ и т. д. и т. д.“

— Что за чепуха? перебила пани Матильда.— Я ничего не понимаю....

— А я такъ понимаю. Я слышала, какъ Ступаневъ подшутить надъ Нилой, произвелъ моего Поля въ эскадронные командиры и перевелъ на квартиру въ Бабилово.

— Теперь и я понимаю, съ печальной улыбкой сказала Матильда.— Когда же они уѣхали?...

— По расчету, въ четвергъ....

— На третій день послѣ визита! И дальше ничего тамъ нѣтъ въ письмѣ? Ни поздравленія, ни пожеланія?...

— Дзвигачъ—болѣе ни слова!

— Хорошъ!...

— А! тутъ есть приписка Петрониллы: „Милая мамочка! не сердись. Воля мужа. Рель посылаю поцѣлуй и поздравленіе. Пишите къ намъ въ Парижъ, на имя банкира Леви.“

— Глупая!... Впрочемъ, можетъ быть, я и не права. Въ такихъ болѣзняхъ Парижъ хорошее лекарство.... Перестанемъ толковать о пустякахъ. Своего дѣла пропасть. Ты послажь на Жеребовець обойщина?

— Послажь.

— Послѣ свадьбы мы долго тутъ жить не будемъ. Флигель Култуса будетъ очень мило отдѣлать. Вы съ Полемъ будете жить совершенно отдѣльно. Я не хочу ничѣмъ отвѣснить васъ. Но долго ли Поль останется съ нами? Я подшутила, будто поля въ переводать, чтобы имѣть законную причину ускорить свадьбой; но вѣдь это можетъ случиться и въ самомъ дѣлѣ.

На другой день весь городъ сталъ на ноги. Свадьба была сыграна по всѣмъ правиламъ мѣстныхъ обычаевъ. Описаніе ея вы можете найти въ любомъ польскомъ романѣ. Поздравленія и отвѣтные визиты продолжались болѣе недѣли. Наконецъ два великолѣпныхъ *цуга* лошадей, въ двухъ нарядныхъ каретахъ, отвезли стариковъ и молодыхъ на Жеребовець. Молодые взошли на свое вновь перестроенное, уставленное множествомъ цвѣтовъ крылечко, вступили въ свои собственные комнаты, убранныя со вкусомъ и роскошью; потомъ Аврелія одна удалилась въ послѣднюю комнату, и тутъ ожидать ее самый отраднѣйшій сюрпризъ: высочій рѣзной алтарикъ закрывалъ дверь въ охотничьи комнаты, служившія сообщеніемъ съ большимъ домомъ, но такъ, что проходъ туда оставался свободнымъ. На малиновой бархатной мантии, съ золотыми галунами и кистя-

ми, какъ обыкновенно рисуютъ на гербахъ, висѣлъ, вмѣсто щита, въ золотой рамѣ со стекломъ, образъ Почаевской Божіей Матери, раскрашенный подъ оригиналъ; кружевные занавѣски были отдернуты; передъ алтарикомъ небольшой аналой; на немъ молитвенникъ въ серебряномъ, ярко-вызолоченномъ переплетѣ; у аналая, на полу, подушка для колѣнопреклоненій и готическій стулъ съ высокой спинкой. Аналой, подушка, стулъ, все было обито такимъ же малиновымъ бархатомъ. Въ окнѣ разноцвѣтные стекла. Но на всю эту изящную роскошь Аврелія въ первую минуту не обратила вниманія. Увидавъ свой дорогой образъ, она съ умиленіемъ протянула къ нему руки, медленно опустилась на колѣни и, заливаясь сладкими слезами, тихо произнесла:

— Пресвятая Дѣва!... благодарю!...

Н. КУВОЛЬНИКЪ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ.)
